

НИКИТА КАЛИНИН

ПОД СЕНЬЮ
ИСПОЛИНОВ

Никита Калинин

Под сенью исполинов

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Никита Калинин – молодой писатель-фантаст, известный, в основном, по публикациям на литературных порталах. Наряду с Робертом Ибатуллиным это, пожалуй, один из самых интересных прозаиков, которые во времена всевластия фэнтези работают в жанре научной фантастики, продолжая славные традиции отечественной НФ.

Далёкое будущее. После сокрушительных войн на Земле между государствами Альянса и Союза человечество активно исследует и колонизирует космос. Планета Ясная – одно из самых малоизученных небесных тел, где люди успели побывать. Немногочисленная экспедиция космопроходцев перемещается на Ясную для установления контакта с группой своих предшественников. И тотчас начинают происходить странные вещи. После прыжка через пространство в составе экспедиции вместо утверждённой участницы оказывается неизвестный улыбчивый американец. Не исчезает ощущение, что на корабле присутствует нечто чужеродное. А куда пропали их предшественники? И откуда на Ясной берётся то, чего быть не должно? Что ждёт исследователей под сенью этих грозных исполинских лесов? Напряжение нарастает с каждой минутой

повествования. К тому же у каждого космопроходца есть свои скелеты в шкафу... Читайте остросюжетный роман, где органично сочетаются научная фантастика о загадках космоса и мистика в духе знаменитого сериала «Lost».

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пробуждение	15
Глава 2. Разведка	31
Глава 3. Инсектарий	45
Глава 4. Ритуал	61
Глава 5. Сны	78
Глава 6. Ночь	93
Глава 7. Завтрак	109
Глава 8. Воспоминание	125
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Никита Калинин

Под сенью исполинов

Пролог

Даже слепые видят сны.

Уже год эта мысль не давала Ольге покоя. Красочный калейдоскоп длиною в ночь? Захватывающие приключения или стальные иглы кошмара под кожу? Всё это было раньше. Теперь, просыпаясь, она помнила только чернильную, непроглядную тьму. Тёплую и вроде бы даже осязаемую.

Всему виной тест, пройденный год назад в Новосибирском Институте Межпланетных Исследований перед первым в жизни «прыжком» на другую планету в составе восстановительной экспедиции. Казалось бы, ну выявили они там «уникальные способности» и «чрезвычайную предрасположенность» к внесению в сознание Ординатора, ну и что с того? Но нет. Сны Ольга видеть перестала в первую же ночь после той странной процедуры.

С другой стороны, не такая уж и большая плата за возможность оказаться в числе космопроходцев...

– Как спалось сегодня, Ольга Андреевна?..

В белую палату, больше похожую на изолятор для душевнобольных, вошёл грузный мужчина с табачной одышкой и

честными глазами. Это был Константин Корстнев, начальник лаборатории восстановления межпланетных сообщений НИМИ и непосредственный руководитель предстоящей экспедиции. Тут, на Земле. Потому как на Ясной командовать станет если не Рома, в скором времени её законный супруг, то наверняка Саньч. Впрочем, гарантий не было никаких, могли объявиться и тёмные лошадки.

– Опять ничего, Константин Николаевич.

– Роман просил встречи с вами. Я не пустил. Обычным психосерверам Ординатора внести – только рукава засучить. А с подобными вам... С вами надо быть очень осторожными. Вы уникам, таких по пальцам руки за всю историю, – он одышливо вздохнул. – И со снами вашими... Я говорил с начальником корпуса психподготовки. Она тоже недоумевает. Не должно быть так.

Корстнев хорошо знал Рому. И с самого начала проникся этой её маленькой проблемкой со снами. Даже слишком уж проникся. Порой казалось, что она что-то упускает или ей недоговаривают что-то, и от того, видит ли она сны, зависит гораздо больше, чем представлялось.

– Что ж поделывать правила! – развёл пухлыми руками начлаб и добавил: – Прямо как в роддоме!..

Вышло неуклюже, повисла тягучая пауза. Он напрочь забыл, что для Ромы с Ольгой тема детей – крайне болезненная...

– Сегодня инструктаж? Что мы имеем по Ясной? – Ольга

была сама серьёзность.

Корстнев прочистил горло с виноватым видом.

– Отчёт по Ясной мы внесём в Ординатора. С этими чёртовыми бюрократами нет времени ни на что! – Он явно нервничал, хоть и пытался это скрыть выражением честных глаз.

Ольга не протестовала, но отсутствие хоть сколько-нибудь вразумительных данных по экспедиции выглядело, мягко говоря, странным. Они готовились вернуться не на какую-то там Цереру-3 и даже не на Аноубис. Наконец появилась возможность восстановить связь с колонистами Ясной – той самой планеты, из-за отчёта по которой, говорят, мир и сорвался в геенну военных действий.

– А сегодня внесение. И погружение – тоже сегодня.

– Как – сегодня?! – воскликнула Ольга.

– Я человек маленький, Ольга Андреевна, – Корстнев вытер платком оба подбородка и сальную шею в складках. – Приказ... сверху. Торопят! Говорят, что-то с сигналом квантовых маяков. Даже наблюдателя к нам прислали. Сюда, в ЦУП, представляете!..

– Американец?

– А как же!

– Он тоже в составе экспедиции?!

Ясная была последней планетой, с которой так и не наладили оборванное войной сообщение. И руководство вынуждено было пойти на невиданный ранее шаг – допустить к отечественной программе «прыжков» бывших врагов из Аль-

янса. Потому как вдруг возникший после девятнадцати лет молчания сигнал с квантовых маяков получили именно они.

– Увольте, Ольга Андреевна. При мне ни один американец не ляжет в капсулу квантового приёмника!

Участников экспедиций не знакомили между собой. Для пресечения конфликтов существовал Ординатор, космопроходцам незачем было привыкать друг к другу, и по прибытии им оставалось только выполнять свои профессиональные задачи. Но так было не всегда. До всего этого кошмара длиной в четыре с небольшим года, уничтожившего треть родной планеты и связи с колониями на других планетах, люди проходили долгие процедуры: совместные тренировки, тесты, инструктажи. Теперь же не было ни времени, ни возможности, ни, в сущности, необходимости. Ординатор выдавал любую информацию, если хотя бы один член экспедиции знал её. И, что немаловажно, ему доверяли. Безоговорочно. Он давно перестал быть чем-то из ряда вон. Во многом благодаря ему война окончилась Пактом «Доброй воли», а не поражением, и население Союза воспринимало Ординатора как нечто неотъемлемое.

Корстнев проводил Ольгу в лабораторию, где всё уже было готово для неё одной. Она ждала этого момента ради него, они с Ромой даже отсрочили очередную попытку экстракорпорального оплодотворения в единственном уцелевшем центре страны. Но он всё равно настал неожиданно. Как-то уж очень неожиданно и сумбурно.

– Вас погрузим первой, Ольга Андреевна, намного раньше остальной группы, – ласково, почти как с ребёнком говорил начлаб. – Внесём Ординатора, понаблюдаем. Вы будете спать. И может, даже видеть сны, кто знает.

Две лаборантки внимательно слушали какого-то парня в белом халате и старомодных очках вместо линз. Да с таким интересом, будто он прямо там раскрывал тайну происхождения Ординатора. Едва автоматические двери лаборатории шумно сомкнулись, вся троица обернулась.

– Алексей! – воскликнул начлаб, явно не ожидавший увидеть тут сына.

Ольга даже не предполагала, что Корстнев-младший имеет допуск до такого уровня лабораторий. С Ромой и Санычем они частенько засиживались в баре «Под углом», единственном на весь режимный Циолковский. Этот парень был ненамного старше её и возник в поле их зрения внезапно, вот прям как в этой лаборатории. И если вспомнить, то как раз где-то год назад... Буквально сразу после тестов на психоактивность, где её признали уникумом.

Иначе как Лёшкой Рома его не называл. Слишком часто фигурировал этот Лёшка в их жизни последний год. Заочно, понятное дело. И заочно же Ольга его недолюбливала.

– Ольга Андреевна! – всплеснул руками тот, но вместо того, чтобы пойти навстречу и что-то, возможно, сказать, он почти бегом бросился к противоположному выходу. – Вызывают! Отец – всё готово!

Ничего более он пояснить не удосужился.

– Вы уже совершали «прыжок» Антонова?

Ольга зыркнула на подошедшую лаборантку. Что за вопрос?.. Разве может работница лаборатории восстановления межпланетных сообщений не знать «прыгал» ли человек, в этот самый момент готовящийся к погружению?! И почему она её не видела раньше?

– Конечно.

Наверное, новенькая. Едва она подумала об этом, повернулась вторая лаборантка. Ольга немного подвисла, глядя то на одну, то на другую.

– Присаживайтесь на кушетку, пожалуйста, – указала первая близняшка.

Нет, их она точно видела впервые. Никаких близнецов среди лаборантов раньше не было. Тем более таких... странных.

Они постоянно улыбались – еле уловимо так, вроде бы даже исподтишка. И зубками белыми, мелкими, остренькими. Девушки напоминали ласок, и не в последнюю очередь грацией спрятанных под белые халаты точёных тел – Ольге не нужно было видеть их, чтобы оценить.

– Жаль, – произнесла одна.

– Чего?.. – переспросила Ольга, усаживаясь на кушетку.

– Таких волос, – ответила за сестру другая и бесцеремонно провела пятернёй по волнам цвета спелого злака с задорными завитушками на кончиках.

– Отрастут, – Ольга отстранилась и попыталась поймать взгляд Корстнева. – После «прыжка» они растут быстрее.

Но честные глаза начлаба блуждали по чему угодно, лишь бы не смотреть в лицо Ольге. Какая-то тревожная атмосфера возникла в пустой лаборатории, предназначенной для погружения в транспортный раствор её одной. Атмосфера подлога. Шоу. словно бы она видела себя на экране интервизора, была невольной участницей сумасшедше рейтинговой за океаном развлекательной программы «Ойкумена». Будто из-за обесточенных капсул квантовых приёмников вот-вот выскочит андроид Джордж с каким-нибудь узнаваемым персонажем на лице-экране, а следом подчёркнуто неторопливо выйдет его острый лицом соведущий Артур, шлёпнет близняшек по заду и скажет сокровенное: «если вы нас видите – вы и есть Ойкумена».

В вену на руке воткнули порт-инъектор.

– Очнётесь на Ясной – не вставайте. Ждите, пока кто-нибудь из группы к вам подойдёт, – Корстнев говорил прямо противоположные Уставу вещи. В обязанности психосервера как раз входило обеспечить пробуждение экспедиции. Потому как они, психосерверы, всегда пробуждались первыми.

Голова пошла кругом – нейролептики в крови достигали мозга. «Нести» Ординатора гораздо труднее, чем просто пользоваться его возможностями. Но она к этому готова. Ольга сконцентрировалась на одной точке, как учили на факультете. Ею стала капсула напротив, сквозь лицевой стек-

лопластик которой бликовал под светом ламп прозрачный транспортный раствор.

Ольгу бережно уложили и навесили над ней «шатёр» ультразвукового сканера. Близняшки действовали слаженно, точно знали что, как и где, и поэтому предвзятость к ним понемногу таяла. Они совершенно точно не первый раз готовили психосервера к «прыжку».

– У вас был контакт с мужчиной?.. Две недели...

– Что?.. – не поверила ушам Ольга. – Что вы спросили?

Но лаборантки молчали и что-то увлечённо наблюдали на панелях состояния. Голова плыла. Никто не спешил с разъяснениями.

Наверное, почудилось. Нейролептики, помноженные на никогда не покидающие голову мысли о детях. Успокоиться, выдохнуть.

Без «точки опоры» взгляд плыл, отчего подкатывала ненужная тошнота. Ольга повернула голову набок и опять уставилась в прозрачность транспортного раствора внутри капсулы. Именно в него её, бессознательную, сегодня и погрузят. А очнётся она уже на Ясной. Рядом с Ромой...

Ольга больше не могла пошевелиться. Слабость сделала тело неподъёмно-чугунным, руки и ноги похолодели – кровь обосновалась в мозге. Когда её начали раздевать, Корстнев был ещё рядом, но возразить Ольга уже не могла. Впрочем, не особо-то и хотелось. Отчего-то стало не так важно, видят ли её наготу посторонний мужчина. Важным сделалось дру-

гое.

Почему стрелки часов над автоматическими дверями лаборатории идут навстречу друг другу?..

Вдруг над ней возникли честные глаза, пахнуло табаком и сожалением.

– Прости, Оленька... – Голос Корстнева по-молодецки ускакал эхом куда-то под потолок: – Прости... Прости... Прости...

И всё поглотил туман. Он выполз из-под капсул и самих приёмников, паучьими нитями спустился с высокого потолка, утыканного шахтами вентиляции, и наперво проглотил почему-то извиняющегося начлаба. Близняшки тоже оказались съедены, вообще всё в лаборатории затянул туман. Осталась только она, Ольга, капсула, «точка опоры» её застекленевшего взгляда и просматриваемый коридор до дверей, в которые они с Корстневым не так давно вошли.

Стрелки часов останавливались. Изогнувшись, они нашли друг на друга, и стали похожими то ли на недовершённую цифру восемь, то ли на спираль ДНК. И когда совсем замерли, автоматическая дверь лаборатории распахнулась.

Она была очень красивой. Неописуемо, по-детски прекрасной. Раскосые зелёные глаза смотрели с задорным прищуром, будто девочка вот-вот побежит от неё, прикованной к кушетке, с криком «догоняй!». Но в то же время было в них что-то отталкивающее, ненастоящее. Хоть и неясно что.

Шурша лёгким платьицем, девочка приближалась. Босые

ножки ступали невесомо и оставляли на холодном чёрном кафеле отпотевшие следы. Когда она очутилась рядом с капсулой, транспортный раствор внутри вдруг помутнел, в глубине его проступили голубоватые прожилки, похожие на тончайшие вены. Только сейчас Ольга поняла, что на самом деле неотрывно смотрит на него, и вообще неведомо как видит окружающее.

Девочка подошла вплотную и взяла Ольгу за руку.

– Ты любишь петь, – она не спрашивала, она утверждала. – Ты споешь колыбельную, когда придёт время. Колыбельная уймёт боль. Колыбельная остановит Небесного паука.

Произносимые ею слова не имели вообще никакого значения. Ольга чувствовала, что настоящее общение происходит гораздо глубже, и не было никакой уверенности, что она хоть сколько-нибудь контролирует этот процесс. Она никак не ожидала, что Ординатор персонифицируется для неё маленькой девочкой. Или это не он?.. Может, это долгожданный сон?..

Осознание пришло поздно, холодом по спине. Вносимая в сознание информация не дополняла Ольгу, а заполняла почти без остатка, замещала и меняла её. И это был не Ординатор.

– Небесный паук не придёт, – сама себе пообещала гостя.

И вдруг стало ясно, что именно в раскосом взгляде маленькой девочки блесело отталкивающе и неестественно.

Это был неживой машинный расчёт.

Глава 1. Пробуждение

«Имя?»

«Роман...» – не сразу ответил он.

«Фамилия?» – голос звучал в голове, исходил изнутри его самого.

Тёплая вата тьмы почти уже вернула его в свои объятия, когда голос повторил:

«Фамилия?»

«Нечаев...»

«Звание?»

«Майор меж... планетной службы».

«Должность?» – вопросы следовали один за одним, почти без пауз.

«Старший офицер безопасности».

Роман мысленно встрепенулся. Он постепенно приходил в себя, и тьма вокруг уже не казалась привлекательной, мягкой и тёплой. Она – небытие.

В этот раз удалось не запаниковать. Это хорошо.

Он не чувствовал ничего: ни тела, ни уж тем более чего-то за его пределами. Ощущал, что оно есть, это тело, и даже имелась некоторая уверенность, что оно принадлежит ему. Но сознание внутри существовало будто бы особняком и напоминало громоздкого жука, сильными крючковатыми лапами карабкающегося по стенкам, чтобы рано или поздно

бесцельно упасть панцирем на дно.

«Действует седьмой параграф Устава», – возвратился голос. Неопределимо балансирующий на грани мужского и женского, многогранный. В него лучше не вслушиваться, не проникаться им. Себе дороже.

Ожидание здесь чуть ли не самое главное испытание. Этому космопроходцев учили, и школа была хорошей. Ничего не изменится, пока Ординатор не сверит того самого жука с «контрольной копией» сознания. Если расхождение составит не более одного процента, контроль над телом вернётся космопроходцу. В наборе рабочих терминов Ординатора этот процесс назывался «определением повреждения личности».

«Мыслительные процессы в норме. Повреждение личности в пределах допустимых показателей. Первоочередной опрос позволяет заключить об отсутствии преград для начала исполнения возложенного долга», – бездушно возвестил Ординатор.

Роман ощутил, что может открыть глаза. Следом проявлялась чувствительность тела: свинцовые колотушки вместо рук, по которым вскоре забегали безобидные поначалу мурашки, дрожащие мышцы пресса и ходуном ходящие колени.

Мозг проверил целостность физической оболочки: обжигающей волной по телу прокатилась боль. В такие моменты она, скорее, приятна, ведь служит маяком, обозначающим

что всё пока что в норме.

Вдруг его приподняли и усадили, оперев спиной на что-то прохладное и мягкое. Воображение выдало образы серого углепластика: зафиксированные кушетки, гладкие вытянутые овалы капсул, решётчатые квадраты вентиляционных шахт в перетянutom силовыми кабелями потолке. Открывать глаза он благоразумно не спешил. Помнил позапрошлый раз.

Стало теплее – его укрыли низолиновым полотном. Или чем-то подобным, ведь не было никакой гарантии, что на данном челноке вообще имелись эти полотна.

– Ты слышишь м-меня? – донёлся голос, далёкий, еле различимый. Женский. Сложно было сказать Ольга ли это.

Роман кивнул, непослушными руками цепляясь за края покрывала.

– Как ты себя ч-чувствуешь?

Подумав, он снова кивнул.

– Если что – п-постучи. Хорошо? Ты не последний.

Голос казался знакомым, это радовало. На одного незнакомого человека в экспедиции меньше. Роману никогда не нравилось, что руководство в этом отношении целиком полагалось на возможности Ординатора. Но его мнения никто не спрашивал.

Вокруг бурлила деятельность. Он плохо разбирал слова, иные звуки, порой нарастая снежным комом, вообще проглатывали всё остальное, оборачиваясь продолжительным гудящим фоном. Вскоре «проснулось» зрение: сквозь сомкнутые

веки проник свет, окрасив мир в мутно-красный.

Роман вызвал Ординатора.

«Ординатор», – ровным, как могильная плита, голосом мгновенно отозвался тот.

«Дуальное восприятие женщины, которая ко мне обращалась».

«Имя индивида».

«Пожидаева Ольга», – Роман не раздумывал.

«Я отказываю тебе».

Это значило, что к нему подходила не Ольга. Странно, очень даже. Она должна была пробудиться первой.

«Неясова Рената», – назвал он второе пришедшее на ум имя.

Ординатор помедлил – Роман угадал.

«Подтверждаю».

Изображение возникло резко, Роман вздрогнул. Теперь он видел и слышал всё, что видела и слышала Рената. Это выглядело как обычная нанопроекция, только как бы сквозь увеличительное стекло или округлый аквариум с водой: без особой резкости и с большой долей искажения тонов, картинка к краям основательно расплывалась и растягивалась.

Надо же, он видел себя! Не настолько хорошо, чтобы разглядеть дефекты внешности после «прыжка», но всё же. Роман попытался улыбнуться.

– Как ты? – спросила Рената, подходя ближе. При одновременном восприятии реальной речи и её мыслеформы

возникало гулкое, жутко назойливое эхо.

Он кивнул – всё в порядке, мол. И подтянул низолиновое полотно там, где его стоило подтянуть. Рената усмехнулась и отвернулась.

Она поочерёдно подходила к капсулам приёмников и подолгу, обстоятельно отслеживала жизненные показатели. Пульс, активность мозга, дыхание, давление: артериальное и внутричерепное.

– Этот приёмник накрылся! – неожиданно донеслось откуда-то сбоку. Голос был мужским: глубоким, сильным. Его обладатель отчего-то привиделся Роману бородатым, хоть это и невозможно. Хотя бы по той простой причине, что после «прыжка Антонова» волос на теле не остаётся.

Рослый, широкоплечий мужчина в комбинезоне хмуро нависал над раскрытой панелью одного из квантовых приёмников. В зубах он сжимал отвёртку-трансформер, левой рукой держал отвинченную панель, а правой шарил в хитросплетениях цветных проводов.

– Нас на одного меньше, – констатировал бородатый. Буднично так. Будто и не случилось ничего.

За все свои пять экспедиций Роман не помнил, чтобы при посадке челнока повреждалась капсула квантового приёмника. Тут имелось два варианта. Как водится: хороший и не очень. Первый заключался в том, что вместе с самой капсулой из строя вышел и маяк квантового приёмника. А плохой подразумевал, что маяк остался цел при полной неисправно-

сти самой капсулы. Последнее значило, что кто-то из членов экспедиции погиб. Его расщепило на Земле, но в точке предполагаемой материализации его копии случилось непредвиденное.

На Земле, в Новосибирске, у входа в новый корпус психподготовки высился памятник этим людям. «Слившиеся с космосом» он назывался и представлял собой троих космопроходцев, прижавшихся друг к другу и смотрящих вверх. Вытянутые руки их сливались воедино и вытягивались в закрученный поток, устремляющийся, по задумке, в безграничное пространство. Меж собой члены разных экспедиций горько именовали его «Слившиеся в космос».

– Маяк разбит!

Это означало, что никто не погиб. Роман выдохнул.

– Пятый готов и проверяется! – вклинился новый голос: молодой, значительно моложе остальных.

То был паренёк лет девятнадцати, не больше. Вытянутое лицо и длинный, чуточку крючком нос придавали ему очевидное сходство с персонажем популярного на Земле электронного комикса, горе-исследователя Фарадея.

– Девяносто шесть, девяносто... семь... де... вяносто... во-о-осемь... Что-то Орешек медлит... – тянул он, Ординатора назвав при этом так, как это часто делал сам Роман.

– Сто, – завершила за него Рената и первой оказалась у распахнувшейся капсулы, с низолиновым полотном наготове.

На пару секунд проекция её взгляда пропала из головы Романа. Опережая негодование, коротко пояснил всевидящий и всезнающий:

«Угроза вторжения в частное».

Когда картинка возникла вновь, стало ясно, почему Ординатор прервал трансляцию. Укрытая регенерирующим полотно, на мягких секционных подушечках капсулы всем телом дрожала девушка. Бледненькая, с вздёрнутым носиком и большой родинкой на мочке уха. С уголков закрытых глаз к голым вискам обильно стекали слёзы. Ей было больно.

И это была не Оля. Настолько внешность не переменялась бы. Где-то внутри шевельнулся сгусток неясной тревоги...

– Третий – девяносто три! – опять прогудел хмурый бородач. Пробуждался следующий член экспедиции.

– Ты м-меня слышишь? – Рената низко наклонилась над девушкой.

Та не реагировала. Дрожала крупно, подёргивалась, бледные тонкие губы кривились набок, испуская белёсую пену. Рената на некоторое время замерла, заботливо, почти по-матерински положив ладонь на её лишённую волос голову. Очевидно, она вела приватный диалог с Ординатором. Среди уже известных последствий «прыжка Антонова» имели место паралич и весьма болезненные судороги и спазмы, а также остановка сердца. Беспokoиться стоило.

– Сто! – почти выкрикнул Фарадей, как его окрестил про себя Роман.

Где-то вне поля зрения склонившейся Ренаты открылась ещё одна капсула. Послышались негромкие переговоры, шуршание развёрнутого полотна.

– Девяносто один!.. Это первый!.. – донеслось следом.

Стало ясно: нужна и его помощь. Роман глубоко вздохнул и очень медленно раскрыл глаза.

– It's my fault! Do you hear me?! – неожиданно вскричал кто-то с надрывом откуда-то сзади.

Послышались быстрые шаги, на миг завязалась борьба, и всё стихло. Галлюцинации и агрессия не менее распространённые явления в постпрыжковый период. Только вот Ординатор вряд ли позволит надолго зашкаливать чьим-либо эмоциям. На то он и Ординатор.

– Мне н-нужна помощь, – заикаясь, громко позвала Рената.

Фарадей подскочил к ней одним прыжком:

– Респиратор Брамина!

Респиратор нашёлся вовсе не там, где по логике должен бы найтись. На влажное лицо дрожащей в капсуле девушки надели полупрозрачную каплевидную чашечку со сменным мини-контейнером. Быстрыми пальцами Рената ввела нужные настройки, и в дыхательные пути пациентки попал состав на основе токсичного растворителя под названием эмина, который оказывал противодействие некоторым известным последствиям «прыжка».

Рената облегчённо выдохнула, сняла с подопечной респи-

ратор и отстранилась.

И от залитой слезами хрупкой девицы можно было ожидать всякого. Но уж точно не короткого потока матерной брани, и почему-то в адрес парня с ещё больше вытянувшимся от удивления лицом. Брани не простой, а отчего-то сдобренной немецкой речью! Фарадей даже поспешил отвернуться, видимо приняв близко к сердцу. Зря. Ведь уже в следующий миг девушка спала.

Ординатор крайне редко не успевал вмешаться в эмоциональный фон человека, чтобы пресечь всплеск чересчур негативных или порой позитивных эмоций. Но почти никогда у него это не выходило с только что пробудившимися после «прыжка». Принцип его действия выстраивался на мгновенном просчёте наиболее явных вероятностей исходя из личных особенностей индивидуума. Им запоминалась та самая «контрольная копия». А после прыжка некоторые люди порой не соответствовали сами себе. Это называлось «повреждением личности» в наборе тестов Ординатора. Ничего серьёзного, если показатель повреждения не превышал одного процента.

Роман покрутил головой. Мир перед глазами смазался, стало чуточку дурно. Лучше не торопиться. Он глубоко вздохнул, попутно ошупывая руками бёдра и колени. Тут же болью отозвались ногти – мягкие, податливые чешуйки. Он выругался.

Взгляды Романа и Ренаты встретились. Выглядела она

скверно: по высокому лбу блестела испарина, от смуглого, округлого лица отхлынула кровь, оставив его серым и довершив картину бледностью губ. После «прыжка» Рената изменилась не так сильно, как в прошлый раз.

Многих психоактивных людей, то есть годных к длительному процессу «прыжка Антонова», а равно и к расширенному внесению в разум Ординатора, отпугивала перспектива навсегда потерять привычный облик. Ведь материализуясь в капсуле квантового приёмника, человек всякий раз выглядел чуточку иначе.

На собственную же новую внешность Роману было откровенно плевать. Гораздо больше беспокоили размягчённые и болезненные ногти...

Группа ожидала пробуждения очередного космопроходца, и Роман уже не на шутку переживал, ведь ещё не пробудилась Ольга...

Меж рисовидными капсулами петлял Фарадей, раздавая нижнюю одежду. Рената замерла около панели с цифровым отсчётом, а бородача и вовсе не было видно. Чувствуя себя той черепахой из анекдота, Роман медленно надел принесённую форму.

– Тут, как на первой станции «Мир», моё вам мнение! – донеслось вдруг откуда-то сзади.

Роман широко улыбнулся – никто не сказал бы так, кроме Саныча! – и поднял руку в пространном приветствии. Друзья будут вместе уже третью экспедицию подряд. И это наводило

на мысль, что начлаб Корстнев что-то удумал.

– Худо, Рома? – усмехнулся Саныч и сдавленно кашлянул. – Не хуже, чем первого января, так что не раскисай!

– Игры в Реконс...трук...тор тебя... когда-н-нибудь сведут с... с ума, С-саныч, – выдавил перезрелую шутку по поводу станции «Мир» Роман.

– Не сведут. Не написали ещё такой программный код, чтобы вскипятить мой мозг!

Роман покачал головой: чего, мол, с игромана взять.

– Скучать не... будешь? – смелее спросил он.

– Поскучаю сейчас – порадуюсь дома.

Их диалог прервал тяжёлый бас бородача:

– Второй на подходе... – И всё внимание перешло на капсулу с упомянутым номером. Крышка беззвучно откинута, Фарадей укрыл пробудившегося. Мужчина. Молодой парень, немногим старше его самого. Он лежал тихо, смиренно, поочерёдно глядя на всех, кто оказывался в поле его зрения.

– Е-есть хочется... кхм... еда скоро?... – едва разлепив губы, сипло поинтересовался пробудившийся.

– Четвёртый! – вдруг испуганно выкрикнул Фарадей, и все разом посмотрели на последнюю закрытую капсулу. Остроту про ужин и то, как именно его подадут, Роман проглотил.

На панели тревожно-красным моргала надпись «Повреждение личности» с процентным соотношением... тридцать

девять! Но ведь это последняя капсула! Сердце Романа заколотилось, а в головах космопроходцев прозвучал бесполоый голос Ординатора:

«Повреждение личности индивидуума четвёртой капсулы критично. Устав предписывает возложить ответственность за решение об открытии на командира. Командиром назначается Александр Александрович Подопригора».

К этому моменту Роман уже поднялся. Мозг, ещё не полностью стряхнувший дурман пробуждения, целыми снопами выдавал панические вспышки: она ли?.. как же так?.. не может же?.. Оля!..

– Изолятор? – у назначенного командира просел голос. Коснувшись ногами пола, он едва не упал, но его ловко подхватил бородач.

– Проверяю! – отозвался некто из-за переборки.

Александр Александрович помрачнел.

– Саныч...

– Спокойно, Рома... Всё знаю, – он шумно выдохнул. Он тоже не находил себе места, хоть и не показывал этого. Оли нет, последняя капсула отмечена критическим повреждением личности... Страшно даже на миг представить внутри неё супругу Романа...

Предыдущая экспедиция чуть не стала для майора Подопригоры последней – кому как не ему осознавать возможные последствия жалости к повреждённому...

Александр Александрович окинул отсек предметным

взглядом и внимательно посмотрел на каждого пробудившегося.

«Я предупреждаю об опасности длительного функционирования капсулы. Жизнедеятельность внутри под угрозой. Решение командира следует озвучить в течение трёх минут» – напоминание Ординатора предназначалось всем без исключения.

– Изолятор! – лицо Саныча погрубело: выбор сделан.

– Есть!

Командир нетвёрдо подошёл к четвёртой капсуле. Роман поравнялся с ним, и друзья тревожно переглянулись.

– Открывай.

– Открываю, – как бы с сожалением выдохнул бородач Буров и набрал комбинацию цифр на панели. Заметить его неудовольствие не составляло труда.

«Только бы не Оля... не... Оля», – билось в голове.

– Изолятор! Готов! – рублено доложили с другого конца отсека.

Крышка капсулы откинулась, и Роман судорожно сглотнул.

Женщина. Светлокожая, даже слишком и, естественно, нагая. Не Ольга. Настолько она бы не изменилась. Роман потёр лицо, унимая чехарду предположений. Получается что, её вообще нет в составе экспедиции на Ясную?.. Как же так?! Была же – точно! Точнее просто быть не может, ведь они вместе приехали в ЦУП! Если только...

Неисправный маяк!

Оля осталась на Земле из-за вышедшего из строя маяка тут, на Ясной! Догадка подарила невероятное облегчение. Роман выдохнул, сглотнул режущую сухость. Решено: по возвращении домой он настоит, чтобы Ольга бросила к чертям эту работу.

«Милош Милослава», – во всеуслышание коротко отпортовал Ординатор.

Вместо того чтобы накрыть её утеплителем, девушку спешно облачили в нижнюю одежду, а Фарадей стянул её запястья магнитными наручниками. У него заметно дрожали руки. Это была его первая экспедиция.

– Ноги?..

– Незачем, – поморщился командир.

– В себя придёт – будет зачем, – пробасил бородач Буров.

Но командир уже решил. Подхватывая Милославу на руки и унося в сторону изолятора, Буров смотрел на неё так, словно она притворяется. Только и ждёт, чтобы улучшить удобный момент и вцепиться ему в шею.

Девушку уложили на пол изолятора и закрыли прозрачную переборку. Пришлось, правда, поискать, как приводится в готовность система оповещения – конструкция немало отличалась от привычной, довоенной.

Вернувшись, Буров принялся поочерёдно осматривать капсулы. Рената умело залепила ногти Романа и Саныча низолиновыми пластырями, после чего проделала то же с

остальными. Долгое время капсульный отсек наполнился тяжёлой тишиной, изредка нарушаемой шорохами и стуками.

Роман огляделся. Бесцветные стены с прямоугольниками закрытых ниш разного размера и расположения выглядели незнакомо. Это только добавляло уверенности: на Ясную действительно отправили второй тип «Герольда». Споры на эту тему в Новосибирске не утихали последние месяцы, и не утихнут ещё долго, вплоть до возвращения их экспедиции.

Львиную долю отсека занимали капсулы приёмников, расположенные в ряд. Напротив каждой стояла небольшая сборная кушетка, по Уставу накрепко вмонтированная в пол. Позже их уберут. Всегда убирают – капсульный отсек непременно должен оставаться свободен, хоть о том нигде и не сказано: ни в Уставе межпланетных сообщений, ни где-то ещё в нормативных документах. Так уж повелось с самых первых «прыжков», со славных и трагичных экспедиций на Марс. Марсианские правила – неофициальный, но не менее чтимый свод правил для всякого космопроходца.

– Несчастливая...

Роман обернулся на голос и поразился, увидев человека лет пятидесяти. Для космопроходца это запредельный возраст. И у него – вот так чудо! – после «прыжка» остались... брови! Поначалу он даже не поверил глазам. Надо же, вот так отклонение! Всякое случалось, но чтоб хоть где-то сохранялся волосяной покров – нет, такого Роман не помнил!..

– Я помолюсь за неё... – сокрушённо вздохнул мужчина, –

на всё воля Божья...

Роман остолбенел. Ещё миг назад он намеревался помочь Фарадею, но теперь и с места-то двинуться не мог.

Божья?.. Божья воля?! Он что, священник?! Да быть не может! Зачем? Корстнев что, с ума сошёл?! Они там все в ЦУПе походили?!

Стараясь не подавать вида, Роман направился к Фарадею. Но всё же столкнулся взглядом с этим самым соседом.

По позвоночнику пронёсся ток-предупреждение от Ординатора. Но отвращение и злоба уже перемешались, сплелись цепкими щупальцами в единый ядовитый клубок. Одна-единственная секунда, быть может чуть больше, была отведена сему чувству – Ординатор вмешался и уравнил эмоциональный фон. Но и того мига хватило, чтобы почувствовать терпкий с горечью вкус на самом кончике языка.

Ненависть.

Глава 2. Разведка

Ординатор синхронизировал биологические часы группы со временем суток планеты. В капсульном отсеке не было иллюминаторов. Да и вообще, едва ли они имелись на челноке, но каждый ясно ощутил, что за бортом сумерки.

Роман шарил в стенных нишах. Рядом слегка дёргано, зато с энтузиазмом орудовал Алексей Трипольский, которого он про себя уже окрестил Фарадеем. Открывал магнитные створки, быстро оценивал и пересчитывал содержимое, и тут же переходил к следующим. Роман искоса поглядывал на него. Нервничает. Оттого и торопится, аж руки трясутся. Как бы до вмешательства Ординатора не дошло. Впервые это надолго... успокаивает.

Оружие нашлось ровно там, где его обычно и оставляли инженеры ЦУПа. Открыв сейф, висевшим тут же магнитным ключом, Роман застыл.

– Это ж «валенки»! – восторженно воскликнул кто-то.

Он и вовсе окаменел. Роман не причислял себя к оружейным экспертам, но и сомневаться в собственных познаниях ручных вооружений повода не давал. Сейф вмещал четыре стойки с винтовками весьма неординарного дизайна: отсутствовал ствол как таковой, дула тоже не было, равно как и намёка на сменный магазин для патронов. Зато сразу бросалась в глаза фирменная мушка Калашникова.

С Романом поравнялся парень из второй капсулы. Тот самый, что первым делом на Ясной решил отужинать.

– В смысле – валенки?.. – Роман вынул одну винтовку, повертел с интересом.

– Ну, их так десантники девяносто восьмой дивизии прозвали, в сорок втором, когда... – попробовал пояснить тот, но, видя ещё большее недоумение, снизошёл до подробностей. – Протоволновой излучатель Мехди. ПИМ. Валенки.

При этом парень только-только влезал в китель, что давалось ему с некоторым трудом. Он был невысок и чуть-чуть не дотягивал до определения «коренаст». Эдакий недокрепыш с ногами слегка колесом. Высушенный олимпийский мишка с раритетных марок.

– Как звать?

– Иван, – добродушно ответил тот и продолжил самозабвенно бороться с непокорными пуговицами кителя.

– Фамилия как, Иван? Звание, должность?

– Иванов... – верно расценив тон майора, парень ускорился, застегнул-таки нужные пуговицы и выпрямился. – лейтенант Иванов, офицер безопасности.

– Иванов Иван? Иванович поди ещё?

Трипольский неподалёку прыснул. Иван хотел что-то ответить, но Роман вручил ему взятое из сейфа оружие:

– На, Иваныч, тебе «валенок»! Я – майор Нечаев. Роман Викторович. Старший офицер безопасности. Ты поступаешь под моё непосредственное руководство, – и обратился

к остальным: – Ещё безопасники есть?

Но никто не откликнулся. Корстнев и ребята включили в состав всего двух вояк?.. Экспедиция хоть и не на Хиц-2, но всё же. Странно. Если ещё учесть все эти «танцы с бубнами» вокруг таинственного появления сигнала с Ясной.

Помимо винтовок в сейфе находились четыре сигнальные ракетницы и по четыре гранаты ограниченного действия: наступательных и оборонительных, что косвенно подтверждало запуск «Герольда» именно в военное время. Там же покоились подствольные фонари. Только вот автоматических пистолетов Гордеева почему-то оказалось всего три...

– Самочувствие как?

– В полном порядке, товарищ майор! – бойко отозвался Иванов.

– Ну, тогда пошли. Группа! – скомандовал Роман, обращая на себя всеобщее внимание. При этом его собственное самочувствие оставляло желать лучшего. Приходилось хорошенько напрягать слух, чтобы иной раз не переспрашивать.

Иванов встал наизготовку напротив переборки, ведущей из капсульного отсека. На излучатель в собственных руках он поглядывал трепетно, почти как на сокровище. Остальные космопроходцы провожали безопасников взглядами. До полного осмотра челнока Устав предписывал подчиняться старшему офицеру безопасности всем без исключения. Даже назначенному командиру.

– Готов? – рука Романа нависла над панелью управления.

Иван кивнул, и он коснулся её. Переборка открылась со звуком, напоминающим приглушённый шорох автомобильных шин по гравию, – застоялась. Вскинув излучатель, боец вошёл в проём.

– Наткнёшься на генераторную – постарайся ничего не трогать.

Роман проигнорировал пренебрежительный тон инженера Бурова и молча двинулся вслед за подчинённым. Его «валенки» болтались за спиной, как и полагается валенку, а не оружию. В руках же чернело скорострельное чудо Гордеева.

Узкий коридор с невысоким потолком разветвлялся буквально через пять шагов. Безопасники перемещались, используя парную тактику: один стоит, второй идёт. Развилку миновали по прямой. И у каждой переборки действовали одинаково: один открывал, второй держал проём на мушке.

Первый отсек был пуст. И незнаком. Вообще. Роман окинул его пристальным взглядом, но не узнал ничего, за исключением разве что громоздкой установки рентгеновского микроскопа. А ведь за плечами остались пять экспедиций...

Этот челнок явно не принадлежал к первой серии. Вышло, что к Ясной отправили вторую. Полумифический прототип. Роман ощутил приятную прохладу удовлетворения: этот спор с Лёшкой, Корстневым-младшим, он таки выиграл! Оставалось ещё два.

Безопасники осмотрели каждый угол замкнутого помещения, проверили стены на наличие панелей управления к

возможным люкам, внимательно оглядели пол, потолок и вскользь – оборудование. Оно интересовало их меньше всего. Затем вернулись к развилке, где их ждала ещё одна переборка.

Следующий отсек оказался кают-компанией. Стол по центру полукругом опоясывали четырнадцать кресел на подвижных полозьях. На стене висел зачехлённый монитор, а посередине стола виднелся лючок, наверняка прятавший выдвинутой нанопроектор. Из кают-компании в противоположные стороны вели ещё три переборки.

– Мы тут первые, товарищ майор...

– Как определил?

– Пыль.

Вдоль стен, на одной высоте от пола проходили силовые кабели, укутанные в бронь негорючего углепластика. Роман провёл пальцем по одному из них, остался чёткий след.

Каждый «Герольд», отправленный с любопытной Земли к той или иной планете, нёс в себе по несколько посадочных челноков. Иногда их было четыре, иногда – шесть, зависело от класса корабля и предварительных целей. Челноки оборудовались квантовыми приёмниками и загружались всем необходимым для жизнедеятельности и плодотворного труда космопроходцев. Достигнув заданной орбиты, «Герольд» бомбардировал планету челноками, которые вскоре подавали сигналы о собственном состоянии: насколько удачно или неудачно прошла посадка. Обработав данные, ЭВМ

на орбите избирал наилучший вариант, запускал его протонный генератор и включал квантовые маяки.

Только получив соответствующий сигнал от «Герольда», на Земле принимались за подготовку экспедиции. Космопроходцев погружали в заполненные транспортным раствором капсулы, вносили Ординатора, после чего происходил сам «прыжок» Антонова.

Нередко случалось, что вполне пригодный челнок оставался незадействованным. Так было на печально известной Хиц-2 и на мрачном Анубисе. Только старик Марс, принявший первым землян-пришельцев, никак не желал оставлять в рабочем состоянии больше одного челнока. Межпланетные первопроходцы так и не нашли аж целых пять бортов, до конца экспедиций на Марс довольствуясь «Маркизой». Имя единственному обжитому челноку дали за по-человечески вредный характер: отремонтированный в одном месте, он немедленно капризничал, и ломался в другом.

Следующими обнаружили отсек личной гигиены и жилые кубрики. Два, как и положено – по числу полов. Безопасники заглянули в оба, так же внимательно осмотрев каждый угол.

– Какой из них будет женским? – улыбаясь одними глазами, вдруг спросил Роман. Они возвращались обратно в кают-компанию.

– Дальний, – без промедлений ответил Иван.

– Поясни.

– Там зеркало в стене. Зачехлённое.

Роман одобрительно покивал. Внимательный парень. Он определённо начинал ему нравиться. Даже несмотря на некоторую незатейливость.

До войны в космоходстве действовала доктрина о равном разделении членов экспедиции по половому признаку. Это обуславливалось как фактором психоактивности – психосерверами являлись исключительно женщины, так и интересами науки, ставившей гендерные опыты.

В этом же челноке было два кубрика по семь мест. А в настоящей экспедиции женщин насчитывалось всего три, при том одна уже, к сожалению, обрела своё пристанище, вероятнее всего до самого конца. А мужчин – восемь. Но в этот раз у Романа хватило совести не пенять на Корстнева. У того и без таких вот мелочей голова шла кругом. Пойди восстанови порушенное войной межпланетное сообщение в тех условиях и с «чёртовыми бюрократами»!

Следующая переборка уже открылась, но Иван отчего-то не двинулся с места. Лицо его вытянулось, а излучатель издал еле различимый протяжный свист – отключился предохранитель. Роман вынырнул снизу, держа наготове гордеева. Никого. И ничего. Длинный, плохо освещённый коридор с двумя шлюзами по бокам и очередной развилкой в самом конце. Три из пяти осветительных спиралей в потолке не работали.

– Я видел тень, товарищ майор... – шёпотом, спокойно и

чётко доложил Иван.

– Где?..

– В конце коридора. Двигалась вправо. Маленькая девочка.

– Вправо нет хода.

Черепашьим темпом, держа оружие наготове, они сначала приблизились к двум противоположным шлюзам. Оставлять за спиной непроверенные помещения чревато, это азбука тактики.

По левую руку оказался продуктовый склад. Даже не заглядывая внутрь, это можно было понять по характерному звуку – мерному амплитудному гудению морозильных установок. Склад обследовал Иванов, а пистолет Романа неизменно бдел в сторону развилки.

– Ничего.

Открыли следующий шлюз. Тоже склад. Множество пятилитровых прозрачных контейнеров с водой занимали его практически полностью. Они заполнялись не доверху: во время пути «Герольда» на борту устанавливалась далеко не плюсовая температура, и пустое место поглощал расширяющийся лёд.

– Чисто.

Так же медленно они двинулись дальше и на развилке одновременно выглянули в обе стороны. Ничего. Направо, куда скользнула увиденная Ивановым тень, коридор продолжался всего на пару шагов и заканчивался не то люком, не

то ещё чем. Сбоку находилась панель управления.

– Готов?

– Так точно...

Роман дотронулся до панели, отшагнул и прицелился.

– Не было никакой девочки, Ваня, – хлопнул он подчинённого по плечу.

Тот ничего не ответил. Только заглянул внутрь и внимательно осмотрел инвентарь пожарного щита, по традиции красного: газовые гранаты, ломы для аварийного открытия переборок, огнетушители трёх видов, противогазы с квадратными носами и сменными брикетами «китайского воздуха». Инженеры никогда не пренебрегали самыми простыми средствами пожаротушения. Даже несмотря на автоматическую систему.

В противоположной стороне обнаружился хорошо освещённый камбуз. Ни тебе теней, ни ещё кого постороннего... Только упакованные, зафиксированные приборы, опломбированные шкафы да неопробованная техника для приготовления горячей пищи.

Нервы, подумал Роман. Пустяк. Был бы не пустяк – Ординатор не проспал бы. По возвращении нужно запросить ретроспективу его дуального восприятия. Медлить не стоит, ведь пока Рената «несёт» Ординатора в одиночку. Когда ещё та, со вздёрнутым носиком, придёт в себя и разделит с ней бремя, неизвестно. И вовсе не факт, кстати, что она тоже окажется психосервером...

Не обследованной оставалась только одна переборка из четырёх, имевшихся в кают-компании. Когда они возвращались, моргнул ближний к развилке осветитель. Вот тебе и вся тень, хмыкнул про себя Роман.

Последний коридор оказался самым длинным на челноке, пол в нём гудел. Первая же переборка отличалась от всех остальных, в том числе и от тех, что были по соседству. Она выглядела массивней и имела механический наружный затвор. Роман коснулся панели управления, и едва шлюз двинулся вбок, зримо просело напряжение.

В отсеке безраздельно властвовала тьма. Видимо, при приземлении вышли из строя осветители. Ерунда. Случаются вещи и похуже. Притчей во языцех стало возвращение первой экспедиции с Цереры-3. При приземлении челноки разбились, в рабочем состоянии остался лишь один. Орбитальный ЭВМ «счёл возможной жизнедеятельность группы в условиях неполной целостности корпуса». Люди потом рассказывали, что «неполная целостность» на деле – это переломленный надвое челнок. Благо, что силовые кабели уцелели, питая обе части, да и к тому же планета оказалась более чем гостеприимна: идеальная атмосфера, буйная растительность и практически полное отсутствие враждебных форм жизни.

Иванов включил подствольный фонарь, свой Роман держал в руке, сомкнув запястья крест-накрест. Отсек был большим, даже очень. И, как оказалось, тоже капсульным...

– Что это? – Иванов осветил капсулу квантового приёмника весьма нестандартной формы. – Кого сюда хотели отправить? Носорога, что ли?..

– Может, и так... – Роман светил несколько капсул по очереди. Каждая отличалась от предыдущей формой и размерами. Были даже совсем крошечные, с пекинеса.

– Они не запитаны, товарищ майор.

– Вижу.

К каждому приёмнику примыкал силовой кабель, проложенный под полом и обозначенный символической бороздкой с пунктиром. Почти у самой панели находился нажимо-поворотный размыкатель для экстренного отключения приёмников от питания.

– Значит, носорогов сюда хотели отправлять уже после пробуждения людей, – Роман осветил потолок, задрав квартиру голову.

– Или не сюда, а отсюда... – негромко предположил Иванов и зажмурился от ударившего в лицо света.

– Кто их знает, Ваня... – Роман опустил фонарь в пол. – То было военное время...

Повсюду в стенах чернели ниши изоляторов. Разных размеров и степеней защиты, разных принципов. Совершенной неожиданностью стал обнаруженный на противоположной стене внешний шлюз немалого размера. Было предельно ясно, что задумывался он для прямого доступа сюда с поверхности.

Оставалось выяснить, какие они – носороги Ясной...

На той стороне коридора был медблок. Роман весьма поверхностно разбирался в медицинской технике и инструментах. Но даже у него родилась мысль, что этот, потерянный на невообразимо далёкой планете лазарет, по оснащённости имел все шансы поравняться с некоторыми нынешними клиниками.

Иванов задержался около одного из аппаратов. Судя по виду, реаниматора, только немного видоизменённого. Эта установка была неплохо знакома Роману ещё со времён учёбы в Рязанском институте сил специального назначения имени В. Ф. Маргелова. Традиционная идея боевой универсальности командного состава, под которой подразумевалась и начальная технико-медицинская подготовка, уходила корнями в славное прошлое Училища воздушно-десантных войск, на чьей базе РИССН и был основан.

– Иван.

– Да? – будто очнувшись ото сна, отозвался тот.

– За мной.

У следующей пары шлюзов пол гудел ощутимее. Когда очередная переборка шумно отъехала в сторону, безопасники вновь включили фонари. Похоже, питание пропало именно по этой стороне коридора.

Внутри было темно и пусто. Вдоль стен – разобранные и накрепко зафиксированные стеллажи да несколько крупных привинченных к полу ящиков. Больше ничего. Как и все

предыдущие, этот отсек они осмотрели вдоль и поперёк.

– Генераторная? – кивнул Иванов на переборку напротив.

– Шагай, Мессинг!

Роман коснулся панели, но ничего не произошло. Коснулся снова – опять ничего.

– Обесточено... Хорошо б ты ошибся, Иваныч.

– В чём?

– Что там генераторная, – пояснил он и направился дальше, к повороту.

На очередной развилке пол гудел уже сильно. Справа анахроничным механическим вентиль-затвором красовался основной внешний шлюз, за толщиной которого томилась ожиданием randеву Ясная. Безопасники сразу отправились к последнему, как они надеялись, отсеку.

Это была генераторная, и она же – крайнее необследованное помещение. Если не считать того, что за обесточенной переборкой.

В центре «сердца» челнока громоздилось производящее электрический ток чудовище: похожий на летающую тарелку из стародавнего фильма про пришельцев, протонный генератор мерно урчал и, казалось, наполнял ощутимой вибрацией даже воздух. Он, воздух, в генераторной был каким-то особенным. Тёплый и отчего-то колючий, он быстро сушил гортань.

Роман взглядом отыскал центральную панель. Внешне она мало чем отличалась от попадавшихся ранее. Как и ге-

нератор – тарелка и тарелка, только, кажется, сфера в центре немного больше да кольца охлаждающего контура шире на один палец...

– Осмотри шлюз. Думаю, мы закончили.

– Есть, – ответил Иван и скрылся.

Роман щёлкнул предохранителем гордеева. Ничего не трогать, говоришь? Да тут и трогать-то нечего. Разве что...

Он обратил внимание на центральный пульт – эдакую микросхему-переросток под защитной полусферой. Его скудных познаний вполне хватало для определения одной очень любопытной мелочи.

Не покорившуюся им накануне переборку отключили. Отсюда, из генераторной.

Сжав пистолет, Роман быстро зашагал обратно. Но он и вымолвить ничего не успел – подчинённый жестами подзывал его к себе. Проследив взглядом за рукой Иванова, майор крепче сжал оружие. Стальные прутья механического поворотного затвора на внешнем шлюзе вонзались в соответствующие пазы в стене. А это значило только одно: кто-то закрылся вручную.

Изнутри.

Глава 3. Инсектарий

Протоволновой излучатель, будто сторожевой пёс, устал в обесточенную переборку. Командир уже минуту как скрылся из виду. Время тикало, отмеряемое дыханием и толчками сердца: вдох – стук, выдох – стук...

Воображение, как от него ни отмахивайся, назойливо, с садистской детальностью придавало запертому отсеку узнаваемость. Иван понимал, что произошедшее на Хиц-2 не может повториться на Ясной, это невозможно. Сводящая с ума боль в человеческих глазах, непрекращающиеся ни на миг страдания и бессилие что-либо поделать – всё это осталось там, в жарких джунглях.

Иван глубоко, медленно вдохнул, ненадолго задержал в лёгких воздух и выдохнул. Затем ещё раз. И даже не заметил, как очутился около стены, – всё это время, пристально глядя в лишённую напряжения переборку, он пытался.

«Спокойно. Спокойно», – уговаривал он себя, пытаясь придушить выползающий из воспоминаний страх. Но глухие рывки сердца сбивали уже не то что дыхание – мысли.

Всё прекратилось внезапно. Вмешательство Ординатора было похоже на электрический разряд высокоамперной динамо-машины: укол в мозг крайне болезнен и краток. Липкий студень страха с шипением сгинул, оставив после себя лишь шум в голове и ощущение чего-то забытого, нескон-

ного...

В конце коридора показались соратники. Впереди шагнул Роман Нечаев: глаза прищурены, живой взгляд сохранял неизменную толику насмешки. Позади высился инженер Буров. Страшно представить, как он будет выглядеть, когда вновь отрастут брови и появится щетина. Даже сейчас он производил впечатление хмурого человека с каменно-неподвижным лицом.

Буров не остановился около злосчастной переборки. И даже не взглянул на неё, прошагав размашисто-долговязой походкой напрямик в генераторную.

– Постреляем в человечков? – заговорщицки подмигнул Нечаев, потирая раскрытой ладонью ребристый затвор автоматического пистолета.

«Хорошо б там были... не человечки», – промелькнула по пепелищу тревоги мысль.

Иван с самого начала отметил тягу командира к простому, как три копейки, малокалиберному скорострелу, в то время как за спиной у него сиротливо болталось воплощённое в металле и углепластике чудо оружейной мысли. К тому же редкое настолько, что на Земле за него знающие люди заплатили бы не меньше двухсот рублей!

Буров вернулся с каким-то прибором в руках. Встал к панели управления вплотную и загородил собой почти половину шлюза. Иван хотел было что-то сказать, но не успел: Буров обернулся к ним, холодно посмотрел в глаза каждому и

пророкотал:

– Открываю?

– Чего уж там, открывай, раз пришли, – Роман присел пружиристо и прицелился.

Переборка прохрустела, отъезжая вбок. Царившая в отсеке тьма отпрянула, свет из коридора хлынул внутрь, но его хватило лишь на ближайшие три метра.

Безопасники двигались спина к спине, глядя в разные стороны. Свет фонарей изучающе полз по стенам и ровным рядам высоких контейнеров, защищённых противоударной бронёй.

Они осмотрели всё. Ни один угол, ни один вентиляционный лючок в потолке не остался неосвещённым. Ящики, что громоздились в центре арсенала, а это был именно арсенал, оказались все до единого под земными пломбами.

Безопасники приблизились к ближайшему к выходу контейнеру, внутри которого запросто уместилось бы человека три. Роман махнул Бурову, чтобы тот исчез. Дважды просить не пришлось – пасмурный гигант скрылся в направлении генераторной, не проронив ни слова.

Помедлив, безопасники открыли первый контейнер.

– Что за хренотень?! – отпрянул Роман. Иванов за ним налетел спиной на ящик и выругался гораздо жёстче.

Внутри, на совесть закреплённый транспортными растяжками, покоился боевой комплекс Альянса. Люди наставили на него оружие, будто он был страшнее всех внеземных чу-

пакабр вместе взятых.

– «Оса»...

– Угу...

Инженеры Запада прямо-таки тяготели к броским названиям и хищным дизайнам. Экзотело недаром назвали «Осой»: чёрный и грязно-жёлтый цвета чётко граничили меж собой, вырисовывая всюду по углепластиковой поверхности острые углы. Забавно, но дизайн перенасытили «хищничеством», на выходе получилось нечто, очень схожее с героями национальных японских мультфильмов.

– Цветная какая-то... – переминаясь с ноги на ногу, сдавленно пробормотал Иван. – Не защитного цвета почему-то...

Ивану было всего двадцать два, он не мог видеть их в бою, на фронте. Но зато он отлично знал историю войны. С раннего детства состоял в поисковом отряде «Вымпел», в том самом, о котором многие СМИ планеты в пятьдесят первом пускали рейтинговые слёзы, наперебой штампуя некрологи. Где-то под Варшавой «Вымпел» обнаружил и раскопал бункер, как предполагалось имевший допросную комнату. В ней рассчитывали найти если не самого Азамата Нурбагандова, то хотя бы что-то о знаменитом командире Дикого батальона. Для этих подростков не могло быть ничего лучше, важнее, чем собственными руками достать из-под земли хоть что-то о легендарном комбате.

Но вместо личных вещей офицера они раскопали смерть. Синтетик Альянса, тип «Оса», каким-то образом не отклю-

чившийся после потери оператора и стольких лет захоронения – вот что ждало их там. Взрослые руководители бросились на защиту отряда, может, это и спровоцировало трагедию. СМИ не умолкали о том, что в моделях поведения синтетиков никогда не было допуска к убийству несовершеннолетних без оружия. Может, и не было. Но из двадцати четырёх подростков в живых остались только пять.

– Вот те, бабушка, и Юрьев день! – просипел Роман. Пальцы белели, сжимая пистолет.

«Автономный боевой комплекс сил специального назначения Альянса, образец две тысячи сорок пятого года. Тип «Оса», – прозвучала в головах безопасников сухая справка Ординатора.

– А то я не вижу! Какого чёрта он тут делает?! – Роман душил эмоции как мог. Он прекрасно помнил эвакуацию в Екатеринбург по железной дороге. Ему, тогда ещё пацану, было плевать на войну. Ровно до подрыва диверсионной группой синтетиков железнодорожного полотна, по которому как раз и шёл эшелон с эвакуируемым заводом точной оптики.

Ординатор не ответил. Он не знал ответа.

В голове Ивана выстраивалась логическая цепочка. Вот кто закрыл шлюз изнутри! Всего контейнеров четырнадцать, и в каком-то из них, получается, засел активный синтетик!

– Может, им каждому в голову, м...? – предложил он, озираясь на остальные, пока ещё закрытые вместилища «Ос».

– Спешка сам знаешь где хороша, Ваня. А что, если ниче-

го другого нет?

Мысль была дельная. Действительно, что если других скафандров нет, как тогда выходить на поверхность Ясной? Вряд ли где-то в ящиках вдруг обнаружатся отечественные «Сапфиры». Но от перспективы влезать внутрь этого Ивана передёрнуло.

– Давай за Буровым, чёрт подери! – Роман хлопнул парня по каменному плечу, пятась к выходу так, чтобы в поле зрения оставались все контейнеры разом.

Иван и не понял, как очутился у переборки в генераторную. Буров выслушал всё с одним выражением. Ни единый мускул не дрогнул на лице, когда ему сообщили характер находки. А ведь он почти наверняка фронтовик.

Буров вошёл в арсенал и не спеша огляделся.

– Видели такие раньше? – без задней мысли спросил Иван.

Но ответа удостоен не был. Космопроходцы приблизились к открытому контейнеру: инженер, хмурый пуще прежнего, впереди, двое с оружием чуть поодаль сзади. Высокий лоб Булова испещрили морщины, образуя дельту на приплюснутой переносице. Казалось, в и без того тёмном помещении стало ещё темней – повисла тяжёлая тишина ожидания.

Минуты две инженер осматривал «Осу», не прикасаясь к ней. Безопасники позади старались даже дыханием не отвлекать. Вдруг Буров протянул руки к комплексу. Нажал что-то сбоку, на шее, и хищная композиция маски на тему жвал на-

секомого разъехалась на три стороны. Внутри пустой головы пестрело царство машинерии: всевозможные мягкие фиксаторы, датчики, нейросканеры. Некоторое время Буров снова изучал объект с расстояния.

– Где у него?.. – начал было он, но смолк на полуслове. То ли оттого, что нашёл искомое, то ли просто усомнился в способности коллег что-либо подсказать.

Буров аккуратно дотронулся до эмблемы Альянса на груди: стального белоголового орла над многострадальным земным шаром. Ничего не произошло.

– Что в остальных? – вдруг спросил он.

Безопасники открыли контейнер рядом. Трёхконечным чёрным перекрестием на людей оттуда смотрела точно такая же «Оса». Буров задумался. Шутка ли – определить активность боевого синтетика, произведённого на свет некогда враждебной технической мыслью? Да ещё на чужой планете за сто одиннадцать световых лет от Земли!

Эти экзотела, как и многие предыдущие аналоги, даже более простые, пехотные, могли служить офицерам Альянса сразу по двум направлениям. Стремясь к универсальности, технари из-за океана, среди которых, по слухам, больше трети было корейцев и японцев, пришли к принципу двойного назначения. Они создали синтетиков, могущих как служить автономно, так и вмещать в себя оператора, командовавшего отделением из трёх таких же искусственных солдат. Без оператора боеспособность отделения синтетиков круто сни-

жалась, поэтому не существовало никаких внешних отличительных знаков у вмещающего в себе человека экзотела.

Буров потянулся было вперёд, но вдруг передумал. Точно у него осталось всего одно правильное касание, а дальше...

– Он неактивен. И никогда не был активен.

– Уверен? – уточнил Роман, следуя за инженером, который встал у следующего раскрытого контейнера.

– Уверен, – тон последнего поставил такую жирную точку в теме о его компетентности, что желания сомневаться или переспрашивать у безопасников отпало.

На осмотр второго синтетика ушло значительно меньше времени. Буров первым делом нажал ему куда-то на шею. Забрало подчинилось сию же секунду, распавшись натрое. Минута-полторы молчания, вердикт:

– Неактивен.

Спустя некоторое время они уже открывали седьмой по счёту контейнер. Напряжение постепенно нарастало.

– Неактивен.

Буров перешёл к следующему предполагаемому объекту изучения. Защитный кожух опал, собравшись в неширокие полосы по краям проёма.

Но внутри было пусто. Нечаев и Иванов переглянулись. Буров только хмыкнул неоднозначно и пошёл дальше. Как будто его это ничуть не удивило.

Следующее вместилище снова имело пассажира. На его проверку ушло чуть больше времени, будто Буров что-то пе-

репроверял.

– Неактивен.

Дальше были три пустых «осиных гнезда» подряд. Фонари безопасников один за одним выхватывали контейнеры из полумрака. Непроверенных оставалось всего два, и Иван не на шутку забеспокоился. Нет, он не страшился вдруг обнаружить виновника всего этого мрачного детектива. Наоборот. Возникло смутное ощущение, граничащее с дежавю, что они никого не найдут. А значит – не объяснят запертый изнутри шлюз.

– Пусто... – рассеяно проговорил он, когда предпоследний контейнер явил им ничем не занятое внутреннее пространство.

– Активных синтетиков нет.

Нечаев и Иванов уставились на инженера, само олицетворение невозмутимости и суровости. Рядом с ними чернела пустота последнего, четырнадцатого вместилища, которое он только что открыл.

– Быть не может! Кто-то же запер вентиль-затвор!

– Никогда не сомневайся в моей компетенции, – Буров склонился над Иваном. – Или ты хочешь меня оскорбить?

– Никак нет, товарищ капитан... – без особого служебного рвения ответил тот, поправляя ремень излучателя.

– Хорошо. Активных синтетиков нет. Значит, нет и проблем.

Буров было двинулся осадной башней обратно, но отче-

го-то остановился.

– Есть у нас проблемы, – произнёс ему в спину Роман. – «Ос» всего восемь. Нас – одиннадцать.

– Десять, – поправил Буров. Видимо, ему тоже пришла в голову та же мысль.

– Нас одиннадцать, Тимофей, – твёрдо повторил Роман, вспомнив имя инженера.

Буров постоял ещё и молча удалился. Пренебрежение к Милош не особо возмутило Нечаева. Он понимал его природу и даже в какой-то мере разделял. В очень малой доле. Хоть инцидент, почти стоивший жизни его другу, Санычу, и произошёл у него на глазах. Но тот случай не повод поголовно менять отношение на скотское ко всем, чей показатель повреждения личности превысил норму. Пусть даже в тридцать девять раз...

* * *

Во второй раз Буров вошёл в генераторную так же, как и в первый: строго с правой ноги. Внезапное появление вояки прервало ритуал знакомства ещё в самом начале. Но ничего, не страшно. Теперь, думается, они ушли, и тут долго никого не будет.

Отсюда проистекало поистине дивное пение: колеблясь в заданной творцами амплитуде, эфемерный голос исходил от источника электрического тока. Это ни с чем не сравнимое

чувство! Существовая за пределами человеческого осязания, волны растекались по всему челноку, но здесь было их средоточие, их центр, сплетение в нерв.

Набрав полные лёгкие, Буров открыл глаза. Воздух высушил гортань – тревожный признак. По-хорошему бы подолгу в генераторной находиться не следует. С другой стороны, ради такой возможности многие из его окружения отдали бы глаз, не говоря уже о таком пустяке. Это ж не тяп-ляп! Это протонный генератор второго поколения! Предстояло, правда, выяснить, чем же это самое второе поколение отличалось от первого... Ведь технические отчёты и прочая документация погибли при бомбардировках Новосибирского института межпланетных исследований ещё в сорок первом. Но ведь сравнение – тоже опыт! Даже не так. Сравнение – основной базовый принцип познания человеком окружающего мира.

Задумавшись, Буров не сразу обратил внимание на центральный пульт. С ним всё обстояло привычно: защитный экран, а под ним, помимо узла управления челноком, аналоговый шифратор.

Ещё до начала войны стало предельно ясно, что Союзу нет никакого смысла пытаться догнать противника по части цифровой электроники и искусственного интеллекта. Поэтому высшее руководство приняло решение вернуться к аналоговому типу сигнала и разработать способы его усовершенствования. Этим же решением на всех исследовательских программах по искусственному интеллекту разом был

поставлен крест.

Но даже такое варварское вмешательство в развитие науки принесло позитивные результаты. Не потребовалось много времени, чтобы хакеры Альянса осознали всю беспомощность по отношению к оборонной промышленности противника. Вооружённые подручными киберразумами, они, в сущности, мало чем отличались от львов, оказавшихся в мутном Ниле. В чужеродной среде они уже не были грозными хищниками.

Буров никуда не спешил. Чувствуя почти физическое удовольствие от нахождения тут, он останавливал взгляд на каждой, даже незначительной мелочи. Чтобы ничего не упустить, он начал прямо слева от себя. С пустого, ничем не примечательного пространства пола и стен. Вскоре он оглядел всё, и перед ним снова предстал протонный генератор.

Буров приблизился. Обошёл с одной стороны. С другой. Провёл пальцем по ложбинке на верхней части циклического контура. Он был чист – ни пылинки! Странно... Не может же пыль быть металлической...

Протонный генератор запускался импульсом с орбиты. И только после обработки ЭВМ «Герольда» отчёта о целостности челнока. Страшно представить картину, когда челноки отправлялись бы на неизведанную планету с уже запущенными генераторами на борту. При определённых условиях это больше походило бы на вторжение и орбитальную бомбардировку, чем на исследовательскую миссию.

Ядерная реакция показала себя наилучшим источником энергии, и морально не устарела, даже когда на научный олимп в две тысячи двадцатом взошла технология создания устойчивых микроскопических чёрных дыр.

Это было сумасшедшее время. Человечеству удалось не провалиться в очередную пучину насилия, что вкупе с десятком выдающихся международных исследовательских проектов, на протяжении долгих десятилетий терпеливо финансируемых правительствами и корпорациями, и дало старт беспрецедентному полёту научной мысли.

Но у протонного генератора, размещаемого на челноках, имелся один недостаток. Он выдавал всего один мегаватт мощности, чего впритык хватало только на нужды внутри челнока. Казалось бы – целый мегаватт! Таким количеством электроэнергии на Земле питались целые посёлки.

Дело в том, что однажды активировав квантовые маяки, отключить их значило бы навсегда проститься с возможностью вернуться обратно этим же путём. Приёмники должны работать непрерывно, если космопроходцы желали снова увидеть закат именно Солнца, а не, скажем, циклический переход Анубиса от кратковременных сумерек к извечной тьме.

Буров, как ни старался убедить самого себя в «нормальности» увиденного двадцать минут назад, всё же не смог отделаться от навязчивой мысли об экзотелах Альянса, тех самых «Осах». Хоть он и создал вид, будто бы для него это не

что-то из ряда вон выходящее. Показать воякам – одно. Думать так на самом деле – другое.

Экспедиция на Ясную впишется в его послужной список ни много ни мало под номером восемь. Не станет большим откровением, если вскоре выяснится, что он самый опытный член группы.

Но ни в одной из прошлых экспедиций ничего подобного даже близко не было. Зачем на исследовательском челноке боевые автономные системы? Кому они могли понадобиться?

Мысль, родившаяся в полумраке арсенала, варилась в дошном уме Бурова медленно. До поры до времени он не озвучивал её даже самому себе, что, впрочем, не мешало ему постоянно отыскивать подтверждения либо опровержения.

Что, если этот «Герольд», тот самый – второго поколения прототип и всё такое, был послан сюда учёными не Союза, а Альянса?

Пуск прототипа, которому, по идее, должен бы принадлежать этот челнок, состоялся в две тысячи сорок пятом, на целых семь лет позже первой экспедиции на Ясную. Да и сам факт запуска, по мнению Бурова, был достоин скорее театральной критики. Тем убедительней было мнение некоторых специалистов о банальной, если это слово употребимо в отношении космического корабля, краже «Герольда» во время вторжения с востока.

Связь с Ясной прервалась с первых дней войны, с января

сорок первого. К тому моменту сюда уже отправились более тридцати человек. «Герольдов» второго поколения, неизвестно зачем построенных в жёстких условиях боевых действий специально для полёта на Ясную, существовало всего два. Первый, по официальным данным, уничтожил Альянс во время провалившегося вторжения на Дальнем Востоке. Второй, якобы был-таки запущен.

Буров насилу выдернул себя из оцепенения. Теперь он метал взор на всё, что, по его мнению, не могло не претерпеть вмешательства со стороны яйцеголовых любителей броских названий. И в первую очередь это был центральный пульт.

Буров всполыхнул. Неужели они смогли сделать всё настолько тонко, что он не разглядел подмены?! Он не опустил – он упал на колени рядом с пультом и нырнул под него. Рост вынуждал его принимать крайне неудобное положение, и вскоре он попросту лёг спиной на пол.

Ну не могли же они додуматься до дешифровки и должного усиления аналогового сигнала! Не могли! Простая логика: это был две тысячи сорок пятый, год предполагаемого запуска данного «Герольда». А значит, додумайся Альянс до вскрытия прямолинейного как фонарный столб аналогового сигнала, Новосибирск целиком бы лёг в руинах. И вместе с ним и Барнаул, и Омск, и Кемерово... Весь юг Западной Сибири превратился бы ровно в то, во что превратились почти все крупные города Европейской части России! Не было бы никакого пакта «Доброй воли» и мира, подписанного в Баг-

даде...

В подбрюшье центрального пульта не нашлось ровным счётом ничего, что указало бы на стороннее вмешательство. Натужно выпустив из лёгких воздух, Буров сел на пол и обхватил колени длинными руками. Голова работала как конвейер мыслеподозрений: а что, если то, а что, если это...

– Нет, – вслух открестившись от очередной идеи, Буров хотел было встать, но так и замер на полпути.

Справа от генератора, на полу виднелись... следы?.. Как был, так и пополз гигант на четвереньках.

Следы. Незаметные. Не пыль, не грязь, не царапины – нет. Следы от постоянного пребывания точно в одном и том же месте тяжёлого объекта, и пребывания по времени крайне продолжительного. Контур их разнился с поверхностью разве что на какие-то миллиметры и был практически незаметен. Но не угадать очертания ног было невозможно. Очень больших ног.

Буров потерянно сел, упёршись спиной в резонирующий генератор. Взгляд его посерел, потух. Следы означали, что кто-то в течение долгого, очень долгого времени приходил сюда и вставал рядом с протонным генератором строго в одном и том же месте, вплоть до миллиметра.

Следы означали, что Буров в первый раз в жизни ошибся. На борту челнока был активный синтетик.

Глава 4. Ритуал

Кают-компания заполнилась живыми звуками – космопроходцы рассаживались за полукруглый стол. Александр Александрович по центру упёрся кулаками в прохладную поверхность и задумчиво рассматривал команду.

Неясова Рената. Отличный, можно даже сказать высочайшего класса медик. И теперь ещё психосервер. Лучшая её характеристика – поступки. Вот прямо сейчас она окружила заботой и опекой тяжело перенёсшую пробуждение Вику. Притом сама еле держится на ногах. Знакома с Романом Нечаевым ещё со времён учёбы в НИМИ, а с ним, командиром, только через того же Нечаева.

Виктория. Фамилии она пока не назвала. Должности и звания тоже. Хотелось надеяться, что она окажется вторым психосервером, иначе Ренате придётся непросто... Кстати, это она выдала матерную мастабу в адрес растерявшегося Трипольского. Да ещё и частью по-немецки. Девушка очень напоминала сейчас надышавшегося хлороформом мышонка.

Собственно, Алексей Трипольский, с лёгкой руки Ромы – Фарадей. Даже сейчас он, усаживаясь рядом с Буровым, постоянно что-то говорил. Нервничал. Несерьёзно, конечно, иначе бы уже пускал слюни, ведь успокаиваться при помощи Ординатора ему ещё не доводилось. Новоиспечённый

выпускник-отличник, очень непростой парень, раз после выпуска его следующей дверью в жизни стала крышка капсулы квантового приёмника.

Иванов Иван. Добродушный, толковый вроде как парень. Из безопасников. С первого взгляда ясно – Роману за него не краснеть. Кажется, Иван принимал непосредственное участие в инциденте на Хиц-2... Сказать, что такая характеристика редкость, – не сказать ничего.

О Ромке нечего и думать. Тот ещё балагур, но, правда, «строго во внерабочее время». Александр Александрович усмехнулся.

Он перевёл взгляд на Истукана. Такое прозвище в кругах бывалых космопроходцев носил Тимофей Тимофеевич Буров. В тех же кругах ходили жутковатые байки о происшествиях с ребятами, насмелившимися назвать его Истуканом в глаза – по глупости ли, по смелости ли, неважно. Поговаривали, он очень, очень не любил это прозвище. В остальном – золотой специалист.

Майкл Бёрд. Молча пышущий позитивом американец. Видимо, плод восстановления межнационального диалога. Больше о нём расскажет Ординатор, так как сам он только и делал, что улыбался своей американской улыбкой да разглядывал всё вокруг, будто пришёл в интерактивный театр где-нибудь в старушке Вене.

Леонид Львович. Или Лев Леонидович... В общем – теолог, ректор какой-то там академии и главное «зачем?»

к Корстневу по возвращении. Озирался не хуже Бёрда, правда, без идиотской улыбки.

Последним в отсеке появился неуловимый Павлов. Тот самый, что умудрился активно помогать при пробуждении, но так и остался неувиденным и незамеченным.

– Командир! Порядок.

Саныч кивнул в ответ и взглядом указал ему сесть.

Павлов был якутом. Невысоким, достаточно щуплым, с большой головой и живой мимикой смуглого лица. Разговаривая с такого типа людьми, ежеминутно кажется, что они вот-вот скажут что-то смешное... Александр Александрович поручал ему проверить всё ли в порядке у Милош.

Н-да... Милош Милослава. Вот и закончилась стремительная карьера знаменитой Старстрим... Так, кажется, её называли? Звёздный поток?.. Что ж, даже слегка непритязательное прозвище для единственного-то в мире межпланетного журналиста.

– Итак! – командир собрал внимание команды в пучок. – В результате разведки возникли... непредвиденные обстоятельства. Внутри челнока следы постороннего присутствия. Рома. После всего этого, – глядя на Нечаева, Саныч обвёл рукой собравшихся за столом, – организуй безопасную ревизию арсенала. Всё первонеобходимое – на хранение в пустой склад. Шлюз заблокировать. Чтоб изнутри его было не открыть. Соображения?

Он полагал, что ответит Буров, но тот, уставившись в стол

перед собой, только отрешённо молчал.

– Себя же замуруем, – прервал паузу Роман.

– В любом случае другого выхода я пока не вижу... Тимофей Тимофеевич?

На этот раз Буров пошевелился. Как сказочный Человек-из горы, он оторвался от кресла, не поднимая головы.

– Я не мог ошибиться. – И с этим сел.

Космопроходцы переглянулись.

– Рисковать я не могу, – через некоторое время сдался и подошёл командир, – но и заваривать переборку тоже не выход. Других скафандров нет. Тимофей Тимофеевич, заблокируйте снаружи арсенал. Мой вам приказ: никому туда не входить. Только в сопровождении офицеров безопасности. Вопросы?

Вопросов не было. Мало кто вообще понимал, о чём конкретно шла речь. Ясно было одно: помимо самих членов экспедиции на челноке, возможно, есть ещё кто-то. Командир не тратил время на версии. Спустя минуту после инструктажа всем всё будет известно – на то существовал Ординатор.

– Начнём, – Саныч сел и сложил руки.

Всё последующее было не более чем ритуалом. Любой член экспедиции легко мог запросить нужную информацию у Ординатора, но инструктаж всегда проводил командир. Так уж повелось с самых первых экспедиций по разведке Марса.

– Ясная, дамы и... товарищи, – Саныч громко прочистил

горло. Он чуть не сказал «господа», чему сам безмерно удивился.

С началом войны это слово для народов Союза будто в грязи извалялось. Как во времена Второй мировой ненавистью советского народа оказалось обезличено немецкое имя Фриц, так и искорёженное слово «господины», применяемое ко всему англо-саксонскому Западу в самом широком смысле, стало более чем ругательством.

В две тысячи тридцать восьмом году, за три года до войны, к орбите Ясной впервые отправился «Герольд», стартовавший с «Восточного». Корабль вели четыре тяжёлых возвращаемых ракеты-носителя «Ангара-М». Полгода две смены станции «Мир-2» трудились в невесомости и в итоге оживили двигатель искривления, «включив» чёрную дыру в его сердцевине. Как и все его предшественники, этот «Герольд» отделился от «Мир-2» на реактивной тяге, только после этого ЭВМ на борту дал команду, и чёрная дыра – слепая пленница корабля – исказила пространство.

Впервые телепортировав фотон света, люди тут же задумались о подобном в отношении самих себя. Феномен, открытый Эдуардом Антоновым – основа основ, породившая космоходство, – был гениально прост: чем структурно сложнее объект, тем больше шансов на его удачное перемещение. Строго сказать, перемещением-то это не было. Уничтожением тела в точке А и воссозданием его копии в точке Б – да. Но не перемещением. Если отправить на Ясную слиток золота

высочайшей пробы, то на выходе окажется что угодно, только не аурум. А если живой организм – то ровно тот же организм, разве что с небольшими отклонениями во внешности, но сугубо свойственными виду. Рога у знаменитой подопытной вороны ни разу, в общем, не выросли.

Ясная. Всю имевшуюся информацию о ней колонисты передали на Землю за два года до войны. Планету опоясывал экватор длиной в тридцать семь с небольшим тысяч километров. Вдоль него тянулись три материка, образуя своеобразную диадему. Судя по снимкам, климат должен был быть тропическим. Но колонисты его охарактеризовали как «уникальный и сугубо контрастный».

– Колонию возглавляла доктор Кислых Валентина Богдановна, – командир недаром упомянул имя выдающегося ксенобиолога в прошедшем времени. На момент «прыжка», в две тысячи тридцать девятом, ей уже стукнуло пятьдесят девять лет. А прошло с тех пор – девятнадцать. Александр Александрович продолжал: – С первого и единственного отчёта по Ясной, который был также в тридцать девятом, буквально перед нашим с вами «прыжком» сняли гриф «секретно». У вас есть доступ к нему. Но, моё вам мнение: доктор Кислых не та, кто видел «ксено» даже в «брутто» и «нетто». Если она сообщила в отчёте – контакт второй категории, значит, контакт был второй категории. Это нужно уяснить. Что касается безопасников. Мы не на Хиц-2. Палить во всё, что движется, не стоит. С целями экспедиции всё как обычно:

наперво восстановим связь с колонистами. Не мне вам рассказывать. Всё, что касается личных задач, – второстепенно. Я доступно выразился?

– Так точно, – нестройным хором ответили Нечаев, Иванов и Павлов. Остальные или просто кивнули, или вовсе не отреагировали.

– Теперь про скафандры...

– Я сразу заблокировал переборку, – опомнился Буров. – Открыть можно только снаружи, из коридора.

Александр Александрович кивнул, присмотрелся к рассеянному и задумчивому Истукану. И продолжил:

– Атмосфера Ясной схожа с земной. Почти идеальная температура, пики в минус пятнадцать и плюс пятьдесят пять. Давление земное, с небольшой слабинкой. Сила притяжения тоже комфортная. Рай, в общем. Но есть одно но. В отчёте говорится о неизвестном газе. Прямое дыхание не убьёт вас, но вызовет сильные галлюцинации. Критическое действие не установлено. Короче, если не хотите свихнуться – не гуляйте по планете хотя бы без противогаза, – Саныч через силу улыбнулся.

Шутка вышла притянутой. Хорошим самочувствием похвастаться могли единицы, и командир в их число не входил. К тому же он был вынужден ораторствовать, и каждая сформулированная мысль отнимала ещё больше сил.

– Имеется некая жизнь, о которой Валентина Богдановна упомянула как о «пятом домене». Не знаю что это, на сним-

ках указана широкой полосой вдоль всех материков – лес и лес. Ещё пески. Много песков. Семьдесят процентов площади суши – пески. Да, «уникальный животный мир». Этим, думаю, уже никого не удивишь, верно?

Трипольский громко хохотнул, одобрительно закивав, будто на этот раз командир выдал шутку весьма высокого пошиба. Но заметив, что никто не смеётся, стих и тут же разглядел нечто очень интересное в полированной кромке стола.

– Колония, кстати, должна насчитывать тридцать четыре человека, – добавил Александр Александрович. – В отчёте говорилось о двух смертях за шестьдесят дней: один несчастный случай и одно вроде как самоубийство.

– «Вроде как» – это как? – переспросил Роман.

– Запросишь отчёт, Ром.

– Я правильно понял? – вдруг улыбочиво вклинился Майкл Бёрд, говоря на таком чистом русском, что Александр Александрович даже поморщился. – Два месяца? Колонисты отправили кого-то обратно всего через два месяца? Если я ничего не путаю, это нонсенс. Все предыдущие группы отправляли отчёты строго по графику, один раз в полгода.

Феномен Антонова исключал передачу информации путём прямого влияния на запутанные частицы. То есть взять и просто отправить привет на Землю при помощи квантового оборудования невозможно. Каждый отчёт, поступивший от той или иной экспедиции – это живой её член, вернувшийся

обратно. Доля Ординатора в его голове и являлась хранилищем данных.

– Всё верно, Майкл, вы поняли, – как можно вежливей ответил командир и поймал себя на мысли, что его жуть как раздражает улыбка американца. – Ладно, – поднялся он. – Пора, я думаю.

И космопроходцы услышали ровный, бесстрастный голос Ординатора.

«Планета Ясная или HR1203. Вектор – созвездие Стрельца. Год экспедиции две тысячи пятьдесят восьмой принятым летоисчислением».

Один из членов группы скривился, будто ему повторно ставили прививку от оспы Синдаровича. Это был тот самый теолог – единственный счастливый обладатель бровей.

Ординатор начал сухое перечисление:

«Майор межпланетной службы, Подопригора Александр Александрович. Должность: командир экспедиции. Год рождения две тысячи десятый. Экспедиция седьмая по счёту».

Представленный кивнул. По идее, он должен был держать небольшую речь. Но вместо этого с усталым видом опустился в кресло.

«Майор межпланетной службы, Нечаев Роман Викторович. Должность: старший офицер безопасности. Год рождения две тысячи двадцать шестой. Экспедиция шестая по счёту».

Роман поднялся.

– Очень рад знакомству со... вами, – проглотил он слово «всеми», столкнувшись взглядом со «священником». – Надеюсь на плодотворное сотрудничество. Запомните: если офицером безопасности сказано, что камень нельзя трогать, то этот камень нельзя трогать. Даже если он – очень важный-нужный-красивый-бежит от вас. Сначала объяснение своего действия, после – само действие. Иначе стреляю на поражение. Шучу. Сначала в ногу.

Роман сел, сдерживая улыбку. Напротив устало и в то же время весело на него смотрела Рената, которой он заговорщически подмигнул.

«Капитан межпланетной службы, Буров Тимофей Тимофеевич. Должность: старший инженер. Год рождения две тысячи девятый. Экспедиция восьмая по счёту».

Истукан поднялся. Трипольский и якут Павлов, сидевшие по бокам, невольно отклонились, чтобы посмотреть ему в лицо – ростом он был около двухсот десяти сантиметров.

– Вопросы и проблемы, связанные с любой существующей техникой, адресуйте мне. Ответ, если будет, обещаю обстоятельным и компетентным...

Буров потупил взор и опустил обратно, будто бы недоговорив.

«Капитан межпланетной службы, Неясова Рената Дамировна. Должность: психосервер. Год рождения две тысячи тридцатый. Экспедиция пятая по счёту».

Лёгкая улыбка не сходила с округлого смуглого лица. Так

в конце дня улыбались подле детских кроватей матери, воспитывавшие в одиночку двоих сорванцов: умиротворённо и счастливо, несмотря ни на что и вопреки всему.

– Прошу ко мне по любому в-вопросу, – она слегка заикалась, но это её не особо смущало. – Я только к Ясной получила допуск психосервера. Вообще, я доктор. Не люблю слово «врач». Так что, обращайтесь.

Она уже села обратно, как вдруг уточнила с улыбкой:

– В любое в-время!

* * *

Роман беспокоился о состоянии Ренаты. Выставить напоказ недомогание? Это не про неё. Она, скорее, скроет, утаит от всех самочувствие. Но сейчас у неё это вряд ли вышло бы: широкий лоб поверху блестел от проступившего пота, а губы были точно покрашенные модной в начале двадцатых годов выбеливающей сосудосуживающей помадой.

Ренате Неясовой достался особый сплав природы и призвания. Самоотдача досуха – так относилась она к работе. Рената принадлежала к типу людей, и конкретно докторов, которые в своё время падали в обморок, но от операционного стола не отходили. Ни под бомбёжкой, ни даже слыша жужжание приближающегося синтетика. Впрочем, последнего ей удалось избежать – в конце войны семнадцатилетняя девушка работала в эвакуированном из Орла военном гос-

питале.

Тот факт, что Ренату назначили одним из психосерверов в состав экспедиции на Ясную, целиком заслуга её трудолюбия и упорства. Особыми врождёнными данными, какие, например, обнаружались у Ольги, она не отличалась. Что, кстати, ни разу не послужило причиной зависти к молодой подруге. Рената была лишена зависти, как Роман в своё время аппендикса, – напрочь и бесповоротно.

При мыслях об Ольге на сердце Романа потеплело... Дико жаль, что она осталась на Земле. Почему только? По возвращении он обязательно задаст этот вопрос Корстневу. Ясная должна была стать отправной точкой их жизней, и упускать такой шанс было никак нельзя.

Разве что...

Да нет. Искусственно забеременеть они пытались уже четыре года. Едва ли случилось чудо, и Олю не допустили к «прыжку» по причине беременности, обнаруженной во время последней подготовки...

«Старший лейтенант Виктория Грау. Должность: медик-биолог. Год рождения две тысячи тридцать шестой. Экспедиция третья по счёту».

– Как это – медик?! – воскликнул Роман.

Александр Александрович бросил взгляд на Романа, тот – на него. Буров прогудел себе под нос что-то из разряда: «этого ещё на хватало». Слушать бедную Вику никто и не думал, чему она даже обрадовалась – не пришлось вставать.

Выходило, что Рената – единственный психосервер. Это была плохая новость. Роман подозревал что-то подобное, ведь такие, как его Ольга – молодые, с врождённой предрасположенностью – встречались крайне редко. И шанс что и Виктория окажется таковой, правде в глаза, был невелик...

Психоактивность – способность человека взаимодействовать с Ординатором – делилась на три типа. За различия между ними отвечали определённые особенности строения головного мозга, в частности лимбической системы, а также нейронных связей, отвечающих за долговременную память. Люди первого типа психоактивности – это, по сути, обычные люди. Вмещая Ординатора, они могли воспринимать сигналы от него только на эмоциональном уровне, не более. Второй тип – прямой путь в НИМИ. Люди со вторым типом способны после размещения Ординатора напрямую обращаться к нему, запрашивать информацию и даже проекцию чужого восприятия. Космопроходцем можно стать только обладая вторым типом психоактивности, или, как укрепились в народе, попросту быть психоактивным.

А вот третий тип, это уже отдельная тема. Как и отдельный факультет Новосибирского института межпланетных исследований. Его ещё часто называли женским в силу того, что психосервером, которых на нём обучали, могла стать только женщина. Причины снова крылись в особенностях строения головного мозга, в тех же пресловутых лимбической системе и нейронных связях. Ни один мужчина не справлялся

с нагрузкой, возникавшей в момент размещения Ординатора в мозг предполагаемого психосервера. И выяснилось это опытным путём, не без смертей.

Как водится, существовали и исключения. Мужчина мог стать психосервером только в том случае, если был не совсем мужчиной. Транссексуалы обладали, в сущности, женским мозгом, но подобных особенных людей не брали в ряды космопроходцев по целому ряду объективных причин, и факультет так и остался – женским.

Психосервер нёс в голове основную часть Ординатора, так сказать его базу. На заре космоходства в составе экспедиций была всего одна женщина-психосервер, но после известного трагического случая их число нормативно увеличили до двух. При этом нагрузку женщины делили пополам.

Меж тем Ординатор монотонно продолжал:

«Лейтенант межпланетной службы, Павлов Роберт Анатольевич. Должность: инженер-маркшейдер. Год рождения две тысячи тридцать второй. Экспедиция третья по счёту».

Заметно стесняясь, якут поднялся и коротко поклонился, точно вышел к трибуне на вручение важной премии.

– Павлов. Роберт Анатольевич, – от незнания что сказать он хлопнул себя большими ладонями по ногам. – Пфф... Геолог. Взрывотехник. Ну... вот.

И быстро сел.

«Лейтенант межпланетной службы, Трипольский Алексей Сергеевич. Должность: научный сотрудник. Год рождения

две тысячи тридцать девятый. Экспедиция первая по счёту».

Бурова сильно удивила воспринятая информация. Он даже обернулся на живо поднявшего Фарадея. Быть может, показалось, но в глазах Истукана мелькнуло нечто сродни уважению.

– Приветствую всех! Меня зовут Алексей. Можно просто – Лёша. Но лучше Алексей. Я по специальности химик. По призванию... учёный. – Роман руку на отсечение выложил бы, что он чуть не ляпнул «гений». – По натуре – хороший человек, холерик, люблю читать и знаю три языка, в том числе английский, – он кивнул Майклу, – немецкий, – кивок, не такой уверенный, в сторону Виктории, – и китайский. Да! Русский ещё! Четыре получается...

Дрожь в руках Трипольского была заметна каждому. Вряд ли это волнение, скорее болезнь Паркинсона ранней стадии. Волнение лишь выявило эту дрожь. Тем временем Фарадей самозабвенно продолжал:

– Вне Земли я впервые, но я читал книги, то есть письменные отчёты: про Марс, про Анубис, про Хиц-3, Хиц-2, Цереру-3, Таганрог...

При упоминании последней планеты группа негромко, вразнобой посмеялась. Один только широко улыбающийся Бёрд так и продолжил улыбаться. Он не слышал, как рассерженный на руководство родного города астроном, открыв представлявшую интерес планету, назвал ту Таганрогом. Так он искренне надеялся привлечь внимание к проблемам ма-

лой родины и верил, что хоть о каком-то Таганроге станут говорить лицеприятные вещи. В конечном итоге спор в каком Таганроге лучше – Трипольского усадил на место только голос Ординатора:

«Лейтенант межпланетной службы, Иванов Иван...

– Иваныч! – идиотски хихикнув, выпалил Трипольский и пробежал взглядом по лицам, ища одобрение. Но тут же сконфуженно уткнулся носом в стол, кромка которого теперь опять представляла для него почти научный интерес.

– ...Витальевич, – Ординатор договаривал с неотвратимостью асфальтоукладчика. – Должность: офицер безопасности. Год рождения две тысячи тридцать шестой. Экспедиция третья по счёту».

Иван поднялся, кивнул так, будто ему негромко аплодировали.

– Сказать особо нечего... – Он развёл руками. – Я всегда готов помочь. Всё уже сказал майор Нечаев.

Не успел он усесться обратно в подвижное кресло, как голос в головах космопроходцев поднял на ноги следующего:

«Полковник в запасе, Ганич Леонид Львович. Должность: эксперт-наблюдатель. Год рождения одна тысяча девятьсот девяносто восьмой. Экспедиция первая по счёту».

Прежде чем что-либо сказать, Леонид Львович, сомкнув пальцы на животе, истинно по-пастырски, снисходительно-добродушно заглянул в глаза каждому. Романа передёрнуло.

– Я – ректор Уфимской богословской академии. Да-да, той самой, в которую не попал ни один снаряд или бомба... – Теолог, поняв видимо, что возгордился, потупил взор. – Я рад работать с такими профессионалами. Рад, что мы таки добрались до восстановления коммуникации с Ясной. Очень надеюсь, что доктор Кислых ещё в добром здравии. Всего семьдесят восемь лет... разве это возраст?

Не найдя больше слов, Леонид Львович сел. Следом, поправляя чуть великоватую одежду, поднялся Майкл Бёрд. Он даже изобразил на лице некоторую серьёзность, вполне идущую ему. Возможно, у него была по случаю заготовлена неплохая речь, но его внезапно прервал безэмоционально продолжавший перечислять Ординатор:

«Лейтенант межпланетной службы, Пожидаева Ольга Андреевна. Должность: психосервер. Год рождения две тысячи тридцать четвёртый. Экспедиция вторая по счёту».

Холод.

Роман не смог вдохнуть – в кают-компании возник ледяной вакуум.

И Ординатор тут же, не делая никакой паузы, подытожил:

«Гражданская, Милош Милослава. Не входит в состав экспедиции. Её личность повреждена. Я закончил».

Глава 5. СНЫ

Старшие офицеры собрались в женском кубрике. Сказать, что случилось нечто из ряда вон – промолчать. Это первый случай в истории космоходства. Нонсенс. Инцидент.

Каждый по два-три раза запросил поимённое перечисление членов экспедиции, а Роман бегло изучил досье всей группы. Результат не менялся: десять имён «в строю», одно – Милош – с пометкой «критическое повреждение личности». И неуклонно: отсутствие Майкла и наличие отчего-то Ольги.

– Предположим, что с этим, – Роман ловко изобразил улыбку американца, – всё понятно... Ему могли и не внести Ординатора. Корстнев что-то говорил про присланного наблюдателя. Начлаба могли вынудить допустить его до экспедиции, но вот внести Ординатора – нет. Но тогда...

– Я пробудилась первой, – мягко перебила Рената, – но м-материализовалась, видимо, второй. Он лежал в закрытой капсуле. Без сознания.

– Его приёмник сработал первым, – пояснил Буров. – Такое бывает. Если так, тогда ясно, почему проснулся он не сразу.

– Без Ординатора пробуждение долгое и... тяжёлое, – подтвердила Рената.

– Предположим, всё так, и Корстнев не прогнулся под на-

чальство, упёрся рогами, как умеет, – продолжил Роман. – Но – Ольга?!. Она ж... Саныч?.. – С надеждой посмотрел он на строго друга. – Мы ж... Она б... Если бы что-то поменялось – она б сказала! Через Корстнева сообщила бы!.. Я на погружение её лично привёз – тут без вариантов!..

– Не нагнетай. Было, и не один раз – бац, и что-то не то. И лежишь в капсуле с транспортным раствором, как килька. И вылавливают хрен пойми через сколько. Но почему её засчитали... Какая-то ошибка это, Ром... – выдавал Александр Александрович запавшим голосом.

Ошибка. То-то и пугало, что Ординатор не ошибался. Он был с людьми с первого дня войны, «видел» все окопы и укрепления Союза, «знал» каждого солдата по имени, «слышал» все их байки холодными ночами в перерывах между артогнём, «чувствовал» боль того сержанта, что потерял в засаде взвод. Он не ошибался. Никто, никогда, нигде не сказал про Ординатора – «ошибся». Всякая его справка командиру была точной и подробной настолько, насколько таковой вообще могла быть. Слыша жужжание сервоприводов, видя приближение синтетической смерти, солдаты знали: он с ними. Боль будет разделена на всех, страх – купирован. Останется только ярость. Всепоглощающая ярость и ненависть к заклятому врагу.

Все предпочли сделать вид, что Александр Александрович вообще ничего не говорил. Молчали долго – кто-то снова копался в Ординаторе, кто-то слушал звон натянутой

внутри струны.

– Это же не всё, – прочистил горло Буров. – Есть ещё кое-то. На борту синтетик. Майор Нечаев вызвал меня для проверки «Ос». Я проверил, – инженер скривился, точно от боли, – но не обнаружил следов активности. А в генераторной есть отметины на полу. Полагаю, синтетик питался энергией генератора напрямую и вставал всегда в одном и том же месте. Почему-то игнорировал порт-контейнер...

– Сколько «Оса» может обойтись автономно?

«Боевой комплекс “Оса”, исходя из данных пакта “Доброй воли”, способен сохранять активность без подпитки от источников электрического тока до пятидесяти суток», – исчерпывающе ответил командиру Ординатор.

– Замуруем, отрубим питание портов, и пусть помрёт с голоду? – невесело предложил Роман и тут же уронил лицо в ладони. На душе скреблись кошки.

– Он скорее проявит себя, – предположил Буров. – Нужно прямо сейчас изъять оружие и всё остальное.

– А там оружие?

– Мы не вскрывали. Пломбы земные, – поспешил пояснить Роман, – следов взлома нет, так что мы решили ничего в ящиках не трогать. Они ж не настолько умные, чтоб сначала вскрыть пломбу, влезть внутрь, да ещё как-то потом ту же пломбу навесить!

– Не настолько, – согласился Александр Александрович, вставая. – Тимофей Тимофеевич, приступайте к тестам кап-

сул квантовых приёмников. Если кто-то понадобится...

– Нет, – оборвал Истукан. – Пусть лучше не мешают.

– Откуда они вообще, эти «Осы»? Это же наш челнок... – донёсся вдруг снизу слабый голос.

Поначалу никто не отвечал. И в итоге заговорил Буров.

– Пять лет назад, в журнале «Наука в фокусе» читал статью.

– Кража? – присоединился командир, глядя из-под отсутствующих бровей.

– Кража, – кивнул Буров.

– Как такое возможно? – усмехнулся Роман. – Это же не машина на парковке. Это космический грузовик!

– Возможно, моё вам мнение. И ещё как! – вяло усмехнулся Александр Александрович. – Это был сорок пятый. Война.

– Но ведь был запуск! – Роман оглядел присутствовавших, ища поддержку. – Каждая собака видела его, Саныч.

– Все мы тут уже взрослые и в сказки не верим, – отмахнулся Буров. – Не было тогда возможностей для вывода «Герольда» на околоземную орбиту. Нужно четыре «Ангары» для этого. Не меньше. В статье говорилось, что построено было два таких корабля, а одним якобы завладели господины. «Северная решительность», мол, была операцией по захвату плацдарма, демонтажу и вывозу нового «Герольда» на территорию Альянса.

– «Северная решительность», сука... Названия они всегда

из носа выковыривали, – кисло усмехнулся Роман. – Слышал об этой «решительности»... Месяц они у нас пробыли?

– Думаешь, им не хватило бы времени?

Роман спорить не стал и крепко задумался. Действительно, за месяц господины могли вывезти прототип «Герольда» второго поколения – технологии позволяли.

– И что это может значить?... – снова подала голос Рената. – Челнок... будет нам как-то враждебен? И постойте. Да, это объяснило бы, почему на нашем челноке не наша техника. Но зачем господам было запускать прототипный грузовик? Выкрасть у нас, но не разорвать на технологии, а запустить. И почему именно сюда?..

– С последним проще всего, Рената Дамировна. Скоро, моё вам мнение, мы это выясним.

– Сам челнок не представляет никакой угрозы, – заверил Буров и сделал паузу, подбирая слова. – Только синтетик. Он – угроза. Серьёзная.

– Ладно. Прорвёмся, – Александр Александрович хлопнул Нечаева по плечу. – Рома – в арсенал. Рената Дамировна, вам отдохнуть хорошо. И это не просьба. Отправлю к вам Викторию, пусть теперь она ухаживает.

* * *

Виктория перевела дух и пусть и не вполне удобно, но всё же вытянулась на незастеленном, твёрдом лежаке. Потёрла

руками лицо, застонала – пластыри на подушечках пальцев бередили мягкие, болезненные ногти.

– Спасибо за заботу, Рената Дамировна.

По идее, Рената отдыхала в кубрике под присмотром медика, как и положено психосерверу после удачного пробуждения команды. На деле неясно было, кто за кем присматривал.

– Просто – Рената, – добродушно улыбнулась та. – Я не гожусь тебе в матери, значит, и в Дамировны тоже.

Виктория ничего не ответила. Долго лежала и глядела в перекрытие над собой. Потом медленно поднялась, опять глубоко выдохнула и невидяще уставилась в пол. Она походила на перебравшую в День космонавтики сотрудницу ЦУ-Па, сражающуюся с абстинентным синдромом и стыдом за вчерашнее.

– Меня ещё... ни разу так не... фу-у...

Как сидела, так и сложилась она пополам, раздвинув ноги. Рвотный позыв вышел холостым, зато болезненным.

– ...не тошнило, – мужественно завершила мысль Виктория.

Рената трижды проваливалась в отрывистый, лоскутный сон. Трижды её будили натужные рывки собственного сердца, будто оно вознамерилось пробить путь наружу. На шею сердцу вторили сонные артерии, эхо их пульсации натянутыми вожжами било куда-то в основание затылка. Но с каждым провалом в короткое беспмятство всё-таки становились

лось лучше.

Виктория не спала. Лежала в том же положении и смотрела над собой, большим пальцем левой руки попеременно касаясь остальных. Мягкие ногти многим не дают покоя до самого заживления.

– Рената?.. – позвала она робко.

– Да?

– Ты спала?

– Почти... Скорее да, спала.

Рената отвернулась и тоже уставилась в перекрытие. Ничего интересного. Всё как всегда: серый монолит осточертелого углепластика... Теперь он надолго заменит ей... что? Белый потолок, тот, что дома, в Бердске? А чем он лучше? Цветом если только...

И почему Ординатор перечислил Олю?.. Как такое могло случиться? Бред какой-то...

– А я не могу уснуть, – прошептала Виктория.

Рената вздохнула. И горько усмехнулась. Она понимала, что должна, обязана просто спросить «почему?». По долгу службы, пусть она теперь уже не медик. По зову природы, всегда и везде сующей свой не раз калеченный нос.

Она должна.

– В капсульном отсеке есть снотворное, если что.

– Я не об этом...

– А о чём?

– Ты никогда не задумывалась, где мы... как бы это... –

Виктория подобрала нужные слова, – где мы бываем, когда на Земле нас уже нет, но и в другом месте мы ещё не пробу-
дились?

Конечно, Рената об этом думала. И не раз. Едва ли нашёл-
ся бы космопроходец, не размышлявший о тёплой, уютной
вате тьмы, из которой человека выдёргивает Ординатор. А
если и нашёлся, ему б не поверили. Всякий помнил ту тьму:
манящее спокойствие и безмятежность, неодолимый магне-
тизм. Быстро и безболезненно высвободиться из неё можно
только с помощью Ординатора. О таком не думать – не уметь
думать в принципе.

– В последний год я слишком часто об этом размышляю,
Вик... – с тяжёлыми ногами в голосе проговорила Рената.

– Знаешь, мой папа – католик. Такой, что в ортодоксаль-
ности даст фору православному патриарху.

– Как его зовут? – отчего-то спросила Рената. Ей вдруг
стало жуть как интересно.

– Штефан.

Рената усмехнулась.

– Что смешного?

– Выходит, ты Штефановна? Немного забавно звучит.

– Нет. У нас нет отчества. Отчество прописывается только
в славянских семьях.

– Постой, ты – немка?

– Да. Я б сказала – германка. Так на русском будет пра-
вильней.

– Католик в Германии, это как буддист в Исландии, наверное, – предположила Рената и вдруг поняла, что с момента разговора с Нечаевым, Буровым и Санычем ни разу не заикнулась.

– Интересное сравнение, но нет. Во-первых, католиков в Германии немало: чуть меньше трети. Во-вторых, родилась и выросла я в Граце, на юге Австрии. Через год после референдума и объединения в Германскую республику. Так вот...

– Прости, если сбила с мысли...

– Ничего. Мой папа католик. И воспитывалась я, сама понимаешь, в католических традициях. Ну, более или менее, учитывая события в Европе, всю эту послевоенную грязь. Папа рассказывал мне о Боге. Старался донести до меня то, что, наверное, чувствовал сам. Пытался объяснить мне как это – Бог...

– Извини, но я теряю мысль. При чём тут «прыжок»?

– Тебе не думалось, что темнота, ну, понимаешь, о чём я, и есть...

– Бог? – Рената даже приподнялась на локтях.

– Ну, не то чтобы он, просто... Там так тепло. Уютно и нестрашно. Как будто бы...

– Вернулась в начало.

– Ты прям мои мысли прочла!

– Нет, Вик, – Рената потёрла лицо, сдавила ладонями готовую распастыся надвое голову. – Просто так все говорят. Все это чувствовали, понимаешь? Все ощущали как бы воз-

врат в самое начало.

Виктория не ответила. Да Рената и не хотела, чтобы ей отвечали. Она хотела закрыть глаза и... что? Не открыть их больше? Остаться там, в темноте, куда страху так и прожить жизнь в одиночестве ни за что не пробиться? И бросить всех, бросить обязанности, груз Ординатора?

Ну нет... Не для того всё это было. Не для того недели пропитывались серостью, даже когда над стольным Новосибирском распускался цветами дурманящий май! Должно же быть что-то ещё! Должна же она ещё раз встретить человека, расколовшего бы жизнь на до и после! На серость и цвет... Ну не ввали же поэты – поэты не умеют врать!

Рената не сразу поняла, что Виктория стонет. Подскочила было на помощь, но тревога оказалась ложной. Девушка лежала в том же положении, уронив руку на лоб, а на полу появилась маленькая желтоватая лужица.

– Когда же это кончится?!

По телу Ренаты пробежали мурашки. Ответ на этот вопрос давно затерялся где-то по пути к ней. Рената ждала его больше всего на свете.

В переборку постучали. Вошёл Иван с постельными принадлежностями в вакуумных упаковках. Определив их на второй ярус, он снова исчез, чтобы вскоре появиться уже с матрацами и подушками. Глянув на состояние женщин, Иван молча принялся всё это распаковывать и раскладывать. Освободившиеся от гнёта упаковки матрацы, подобно то-

му чёрту из табакерки, резко, кратко увеличились в объёме, развернулись и расправились. То же самое случилось с подушками.

– Вы как? – участливо осведомился Иван.

Виктория преобразилась на глазах. Казалось, это какая-то магия, фокус: всего минуту назад она помирала, стонала и причитала, а теперь вдруг – раз! – и уже без зазрения совести строила молодому безопаснику глазки. Ей было что строить, по правде сказать. Неизвестно, какова Вика была до «прыжка», но после, несмотря ни на что, умудрялась выглядеть сносно.

– Всё в порядке, рыцарь! Если объявятся чудища, мы кинем клич, – пообещала Виктория.

– Спасибо! – бросила Рената вслед уходящему парню.

Симпатичный, подумала она. Росту бы побольше. А то низковат. И держится как-то, по-борцовски, что ли...

Сделав над собой усилие, женщины перестелили принесённые принадлежности на уже обжитые лежаки.

И снова серость углепластика перед глазами... Тягучая, вязкая, как вся Ренатина жизнь...

Ординатор синхронизировал внутренние часы людей с временем планеты ещё несколько часов назад. За внешней переборкой темнела неизвестная, наверняка полная опасностей ночь, но никто не спал. В том числе и Виктория с Ренатой, казалось бы, имевшие теперь для этого всё необходимое, и даже больше. То и дело откуда-то доносились приглу-

шённые скрипы, бумканье. Арсенал, видимо, уже опечатали, а теперь принялись за «разгрузку» бытовки.

– А тебе хоть раз снились сны? – вдруг спросила Виктория и поспешила с разъяснениями: – Там, в капсуле. До пробуждения...

– Там сны не снятся...

– Как же – не снятся. Ещё как!

– Да? Тогда по тебе можно кандидатскую защищать...

– Это ещё почему?

Рената беззвучно зевнула, прикрыв рот ладошкой.

– Запроси у Ординатора. Там всё подробно.

– Мне снилось, что в капсуле я не одна... – не унималась

Виктория. – Я слышала звуки, будто бы кто-то ладонью бил в толстое стекло...

Глаза Ренаты то и дело ускользали под веки – сон медленно одолевал. Она повернулась к Вике, посмотрела на неё. Внимательно так, желая понять – шутит или нет.

– Ты хорошо говоришь по-русски, знаешь? – мысли Ренаты уже напоминали полупрозрачных мотыльков, редко порхавших вокруг гаснущей лампы сознания. – Вот я, например, не знаю своего национального языка. Стыдно...

– А какой язык твой национальный?

– Татарский.

– Я читала книгу про Волжскую Булгарию... В школе ещё, в Граце. Нам предоставили выбор, я почему-то в виртотеке выбрала её. А ещё, я читала про...

Узнать про что ещё читала Виктория, Ренате было не суждено. Последние мотыльки приникли прозрачными телами к мутному стеклу лампы, и она погасла.

* * *

Под ногами что-то хрустит. Не то крупный песок, не то мелкая галька.

Город. Дороги и площадь посередине – всюду песок-галька холодного, серого цвета. И дома вокруг серые, разве что окна с коваными намордниками решёток светятся разными тонами, фильтруя жизнь, пышущую изнутри, занавесками. Но там никто не ждёт её. Решётки для того и ввинчены в кровотокающий серой пылью бетон, чтобы она не могла даже постучать.

Вокруг бродят тени: серые, безликие. Такие же, как она, кому путь в цветную жизнь заказан. Они не видят её, порой даже проходят насквозь, оставляя внутри потрескивающий иней. От таких «встреч» холодно, и она уклоняется, чтобы однажды не замёрзнуть насмерть.

Песок хрустит. Тени идут. Жизнь струится из-под чужих штор.

Лимб.

Но вдруг её зовут. По имени. Хоть звука, кроме хруста песка, здесь и не существует. Она поворачивается и идёт, лавирует между источающими холод тенями. Идёт, не понимая

куда. Смотря только под ноги. На песок. Серый, как и всё вокруг.

А когда останавливается, впереди стоит он: крупные черты лица раскрашены жизнью, неестественно синие глаза смотрят внутрь, в душу. На нём сержантский китель ВДВ – эти лычки и прилежно расправленную бело-голубую тельняшку из-под широкого отворота ей не забыть никогда.

От него веет теплом. Веет уютом и спокойствием. Мужской силой.

Десантник протягивает руку. Могучая ладонь раскрыта – приглашает. Она согласна, и от соприкосновения тело медленно наполняет тепло. Жизнь цветёт теперь и в ней!

Но вдруг ревет сирена... Далёкая. Надрывная. И безнадежно запоздалая.

Взрыв сметает все, точно ураган – жёлтые слабые листья с засыпающих на зиму деревьев. Десантник смотрит на неё и беззвучно кричит. Краски покидают глаза, затем выбеливают лицо и обесцвечивают китель. Они стекаются в ладонь, сжимающую её руку. Бегут, ускользают, словно спасаются – жаркие, пульсирующие...

И вдруг он падает, рассыпается на миллионы маленьких галек или же больших песчинок. Оставшееся в её руках тепло красок тянет книзу, прижимает неподъёмной ношей, тяготит.

Она не в силах удержать это тепло. Удержать его одна. И роняет.

Удар об землю, россыпь песка. И ничего. И – серость...

Глава 6. Ночь

С отбоем свет белых спиралей по потолку ослаб, угловатые же гробины квантовых приёмников ничуть не изменили тональности и всё так же монотонно гудели. Минут десять как тут завершилась работа – лишнее демонтировали и убрали в пустующий склад.

Последним капсульный отсек покинул Истукан. Робер слышал прозвище Бурова и знал, что так его называть не стоит. От историй у дымной стойки бара «Под углом» иной раз дыбились волосы.

Напоследок Буров долго осматривал поверхности двух капсул. Иногда подходил к третьей, в которой вообще никто не пробуждался, и будто бы что-то сверял.

Роберт провёл большой ладонью по своему гладкому неровному черепу. Повернулся, насколько позволило скошенное зрение, в профиль, затем другой стороной. Небольшое зеркальце на телескопической ножке, обнаруженное им здесь же, в нише, беспристрастно отражало все изменения внешности.

А внешность для Роберта Павлова была очень важна. Но не пресловутое «красив-некрасив» тут было главным.

Главным было – саха. Больше смерти он страшился однажды вылезть из капсулы и не увидеть в зеркале по-особому смуглой кожи, больших монголоидных скул, раскосых глаз.

Не обнаружить в зеркале якута.

Роберт остался доволен увиденным. Он отложил зеркало и взял из сейфа один из пистолетов. Проверил магазин, тот оказался полон, затем внимательно осмотрел флажок предохранителя, убедился, что он в нужном, безопасном, положении и, убрав указательный палец подальше от спускового крючка, направился в сторону изолятора.

Он не ощутил ни капли рвения, когда в первую же ночь старший офицер безопасности назначил его дежурным по изолятору. Роберт не сомневался: оставить тут именно его, геолога-взрывника, была очень веская причина. И именно сейчас, после всей этой чертовщины с Ординатором, после подозрительной неопределённости о присутствии кого-то... Впрочем, майор Нечаев чётко дал понять: основной арсенал опечатан и угроза изолирована.

Только вот спокойствия отчего-то не прибавилось.

Роберт шёл к прозрачной переборке изолятора так, будто внутри тихо стрекотало жуткое чудовище, только и ждущее глуповатого на вид якута, чтобы броситься на него через заранее прожжённый кислотой стеклопластик.

Но вместо чудовища, на мягком, как и весь остальной изолятор, полу мирно посапывала девушка. Очень стройная, высокая. Жаль, что она спала на боку, близко к стене – Роберт никак не мог разглядеть её лица. Хотелось посмотреть: как же изменилась знаменитая Старстрим?

В виртнете имя Милослава Милош почти не встречалось,

зато её псевдоним не раз гремел на весь мир. Её очерки с других планет переводились даже на амхарский, официальный язык Эфиопии. Неудивительно, при условии, что она до сих пор оставалась единственной допущенной к «прыжку» журналисткой. Голливуд, киномонстр с холмов Калифорнии, так и не добился разрешения на экранизацию единственной художественной её работы – повести «Пустота».

Роберт обожал «Пустоту». Перечитал трижды полностью, и бессчётное количество раз освежал в памяти любимые отрывки и цитаты. Притом что ценителем литературы не был никогда. Он относился к ней как оружейный историк во второй половине двадцать первого века относится к средневековому мечу, да и вообще к подобного рода холодному оружию: отслужив человечеству не один век, оно в какой-то период времени перестало быть эффективным и необходимым, встав в один ряд с десятком таких же великих вещей и явлений.

Но повесть «Пустота» была исключением. Любовь Роберта к ней имела вполне определённые и глубинные причины. С раннего детства он заболел устным народным творчеством, к настоящему моменту уже тоже фактически погибшим. Однажды его дедушка, старый таёжный промысловик, открыл ему мир олонхо, древнего якутского искусства песнопения и эпического стихотворения. Потом страсть подкрепилась бурятскими улигерами, тесно переплетающимися с суровой монгольской культурой.

Позже, во время учёбы, он и заподозрить не мог, что геология – выбранная им стезя – имела ореол великого множества баек, накопленных за века существования. Довершением стал первый «прыжок» Антонова. Оказалось, что космопроходцы носили в сердцах ту же искру романтики, что возгорелась столетия назад в походных кострах на просторах заснеженной матушки-Сибири.

А повесть бедняги Милош как раз посвящалась одной из самых известных и жутких баек космоходства. Писалась она, со слов Старстрим, с минимальным художественным домислом. Повесть была о Пустом космопроходце.

На Анубисе, когда на его орбите ещё кружил «Герольд», всего погибло пять человек. Но особое внимание привлекал инцидент с Алексеем Курбатовым-младшим и Асланом Плиевым, ведь во время поисков этих двух космопроходцев впервые и повстречали Пустого. Случилась паника: один поисковик наотрез отказался покидать челнок, а второй затребовал немедленного возвращения и угодил в изолятор.

Тела Алексея и Аслана вскоре нашлись. Точнее... оболочки. Ни внутренностей, ни языка, ни мозга – ничего не было на месте. Притом из внешних повреждений разве что ссадины да ушибы, какие можно получить при самом заурядном падении.

С этого-то рапорта и начались встречи с Пустым. То его видели на Таганроге, то при последнем возвращении на Марс. Так бы и остались истории о нём простой рядовой бай-

кой, не пропади однажды на Церере-3 знаменитый космопроходец, ветеран войны Семён Кожин.

Говорили, что Семён до этого видел Пустого космопроходца. Якобы он упоминал об этом как-то за обедом. Нашлись свидетели, многие подтвердили. Никто не придал особого значения хотя бы потому, что сам Кожин, в прошлом подполковник морской пехоты, отчаянный чёрный берет, только высмеял увиденное.

Вскоре его разыскали. Кто был на Церере-3, скажет – нет более благоприятной и гостеприимной планеты, чем эта. Альфа-хищников, какими славится та же Хиц-2, на планете отродясь не было. Самый страшный хищник Цереры-3 умещался на рабочем столе учёного и до смерти боялся огромного двуногого существа, то и дело тыкающего в него болезненным ярким светом.

Положение тела Кожина красноречиво говорило о том, что подполковник морской пехоты, в своё время в рукопашную сходявшийся с синтетиками, перед смертью испытал ужас. И он был опустошён. Точно так же, как Курбатов-младший и Плиев на Аноубисе. Допрос Ординатора выявил, что «внезапный беспричинный всплеск резко негативных эмоций имел место», но он был настолько кратковременным, что процесс вмешательства даже не начался.

Только после официально подтверждённой гибели Кожина к байке о Пустом стали относиться с трепетом и уважением. Со временем, и это было хорошо отражено в повести,

появились подробности: чего не стоит делать, чтобы его не встретить, что следует делать, если встреча уже произошла и так далее. Далеко не каждый случай его появления, если верить тем, кто о нём заявлял, заканчивался трагедией. Сформировалось своего рода поверье, что только неуважительное отношение к космосу, хамское поведение на чужой планете может привести к печальному концу при встрече с Пустым космопроходцем.

Роберт ещё раз глянул на спящую девушку. Что она могла? Она даже без сознания. Да и куда, а главное – как ей бежать?

Трипольский с пеной у рта, причём вовсе не в переносном смысле, рассказывал накануне о лаборатории, что от капсульного отсека в двух шагах прямо по коридору...

Поразмыслив, Роберт решился.

Серые стены, казалось, пропитались царящим всюду полумраком и тишиной. А если постоять в коридоре какое-то время, можно решить, что стены и источают их. Стараясь не шуметь, Роберт миновал поворот, ведущий к кают-компании, и, немного посомневавшись у заветной переборки, коснулся панели.

По коридору пронёсся громкий шорох застоявшегося раздвижного механизма. Этого Роберт не учёл.

Тишина... Звук вроде бы никого не разбудил. Выдохнув, Роберт усмехнулся и вошёл в заветный отсек.

Судя по первому впечатлению, Трипольский... преувели-

чивал. Роберт огляделся, ища ту самую «кучу утеранных прототипов». Всюду висели пломбы. А это значило, что Трипольский навывдумывал. Не навесил же он их заново? Роберт недовольно хмыкнул.

Вдруг из коридора донёсся отчётливый шорох, и Роберт вмиг очутился у открытого проёма.

– Ты чего?.. – возник прямо перед ним Иван.

– Ничего. Хожу.

– Зачем? Скучно, что ли? – тон безопасника был недовольным, а вид – разбуженным.

– Да я так, – пожал плечами якут.

Иван заглянул через плечо Роберту, словно тот кого-то укрывал внутри отсека. Убедившись, что они вдвоём, Иван потёр лицо и направился обратно к развилке коридора.

– Ходишь – ходи тут! – пробурчал он напоследок.

– Я и хожу...

– Вот и ходи. Не шастай около кубриков...

С этими словами Иван скрылся из виду, специально не закрыв за собой переборку, чтобы не шуметь ещё больше.

Роберт стоял в проёме, ничего не понимая. Пришёл, напрягся. Кто покусал?

Полуночный часовой хмыкнул и хотел было вернуться к изучению лаборатории, но так и остался стоять на месте.

Переборка в капсульный отсек, в котором находился изолятор, была зафиксирована в открытом положении ещё во время демонтажа всего лишнего – так было проще таскать.

Сейчас там что-то мигало. В коридор падал красный свет. Опомнившись, Роберт было поспешил догнать Ивана, но того даже в кают-компании не оказалось.

Какое-то время Роберт нерешительно стоял на распутье. Но вскоре, прогнав-таки нехорошие мысли, уверенно зашагал обратно к капсульному отсеку, откуда начинал незапланированный ночной обход.

Чем ближе мигал свет, тем меньше смелости оставалось у Роберта. Но её всё-таки хватило, чтобы он сначала выглянул, а потом и вошёл в открытый проём.

Над прозрачной переборкой изолятора мерно моргала красная лампа с надписью «Внимание». Видимо, Милош очнулась, потому что кнопка активации этого сигнала находилась где-то рядом с ней. Роберт не спеша направился к изолятору, и уже во второй раз перед глазами быстро пронеслось: стрекочущее чудовище, прожжённый стеклопластик, прыжок, мёртвый глупый якут.

Но Милош лежала на полу в том же положении. Роберт прильнул к прозрачной переборке и высмотрел ту самую кнопку вызова на стене. Пластиковый колпачок поверх был опущен. Если она нажала на кнопку, тогда зачем опустила колпачок и тут же легла обратно, да так, чтобы не было понятно, вставала ли она вообще? Он присмотрелся к девушке. Спустя минуту вывод настойчиво стучался в мозг: либо Милослава отличная актриса – после пробуждения-то – либо она действительно спала.

Надо сказать Истукану, пусть выяснит, в чём причина, подумал Роберт. Хоть он и старший инженер, но лампочки там всякие да неисправные кнопочки – это по его части.

Роберт взял одну из оставленных в отсеке приземистых кушеток, перенёс её к переборке изолятора и, сомкнув крупные ладони на боках чёрного пистолета, уселся так, чтобы Милош оставалась в поле зрения.

«Ординатор», – откликнулся на призыв бестелесный.

«Отчёт по Ясной. Геология планеты. Структура почвы. Для начала».

«Нет информации».

Роберт нахмурился и поелозил на кушетке. Как так – нет?.. Такого ж быть не может! В основу всякого отчёта по планете входил раздел «Геология». Это же азы... Не поверив, Роберт повторил запрос.

«Нет информации».

Странно. Он же заранее запросил его себе. Знал же, что если не сделать этого, то когда Рената уснёт, будет поздно. Тут дело не в том, что психосервер спала, точно!

«Полный отчёт. Начиная с первой экспедиции».

На удивление, полный отчёт Ординатор начал-таки зачитывать.

«Ясная. Экспедиция численностью четырнадцать человек под руководством доктора биологических наук Кислых Валентины Богдановны была отправлена в две тысячи тридцать девятом году. Спустя пятьдесят девять дней прибыл первый

и единственный на данный момент отчёт. Носитель отчёта – офицер безопасности, майор Михайлов Матвей Петрович, одна тысяча девятьсот девяносто восьмой...»

«Стой».

Ординатор смолк. Роберт встал, прошёлся туда-сюда. Уже в самом начале его смутила одна малозаметная на первый взгляд мелочь. Необходимость отправлять с первым отчётом офицера безопасности объяснялась хотя бы примером той же Цереры-3, где солдафоны были попросту не нужны. Но вот то, что обратно был отправлен аж целый майор, да и к тому же, как правильно обратил внимание Майкл Бёрд, всего через два месяца – это наталкивало на определённого рода размышления.

Роберт краем глаза глянул на Милош. Если бы не дыхание, можно было бы подумать, что она скончалась. Девушка ни разу не пошевелилась.

«Продолжай».

«Сразу после на Ясную отправились ещё две группы по тринадцать человек каждая. Первая группа представляла собой взвод специальных сил Союза под командованием полковника Иконникова».

«Стоп».

Роберт встал, но тут же опять сел, задумавшись. Он был очень любопытным человеком. Порой любопытство доставляло ему немало хлопот. Вот и сейчас он копался в информации, ему по служебным обязанностям не предназначенной.

Она не являлась для него закрытой, нет. Иначе бы Ординатор попросту не выдал её. Просто Роберт зачастую брался решить ребус, никаким боком не относящийся к специфике маркшейдера.

Снова косо́й взгляд на Милославу...

«Продолжай».

«Вторая группа представляла собой сборную команду учёных. В неё вошли Джордж Бернли, Никколо Сторци, Агне Христичас...» – принялся перечислять Ординатор. Роберта несколько не удивляли упоминания о Швейцарском федеральном технологическом институте, о Боннском университете. Упоминания эти он попросту не слышал, равно как и достаточно громкие для специалиста имена некоторых учёных. Роберт целиком оказался во власти раздумий, напро́чь позабыв про голос в голове.

«Стой», – опомнился он, и Ординатор утих.

Гудели громоздкие установки квантовых приёмников. В руках неприятным холодком ощущалась чёрная литера «Г» – Роберт давно уже держал автоматический пистолет не как оружие, а за ствол. Оружие вообще было у него не в чести.

Смутная тревога не позволяла нормально сосредоточиться. Роберт то и дело поглядывал на неподвижную девушку и при этом никак не мог отделаться от ощущения, что на него самого кто-то пристально смотрит. Озвучив в голове эту мысль, он сглотнул. И некоторое время сидел как кролик под

взором удава, прислушиваясь к собственным ощущениям, пытаюсь справиться с невесть откуда взявшимся чувством.

Роберт поднял взгляд, чтобы осмотреться.

– Иван?..

В проёме стоял силуэт. Странно, но моргающий свет сигнальной лампы никоим образом не высвечивал его. Чувствуя холодок, опускающийся от основания черепа вниз по спине, Роберт покосился на руки: бесполезная металлическая буква вмиг обернулась снова автоматическим пистолетом.

– Иван?..

Но там уже никого не было. Мгновение, и неяркая вспышка красноватого света целиком осветила пространство проёма, не встретив никакой преграды.

– Иван? – громче окликнул Роберт, хоть и понимал уже, что тень слишком мала для безопасника. Она принадлежала скорее ребёнку...

Безответно. Единственным звуком в полумраке отсека оставалось дружное гудение квантовых приёмников.

Роберт не был бы самим собой, просто останься он в капсульном отсеке. Любопытство всегда брало верх, и порой даже в по-настоящему опасных ситуациях. Страх тоже был тут как тут, но в сравнении с опьянённым адреналином мастодонтом любопытства, он казался жалкой скалящейся гиеной.

В коридор выглянуло дуло гордеева, за ним – широкое скуластое лицо.

Никого. Роберт хотел было снова окликнуть Ивана, но

осёкся. Будь это он, уже отозвался бы. Якут посмотрел в сторону изолятора, постоял нерешительно. И пошёл.

Сначала он хотел заглянуть в тупиковый отсек, в ту самую лабораторию. Но, дойдя до развилки, краем глаза вдруг распознал движение, резко повернулся вправо и замер.

Из кают-компания вели четыре коридора. Обрато в капсульный отсек, к жилым кубрикам, к камбузу с продуктохранилищами, если пищу космопроходцев вообще можно было назвать продуктами, и к складам, медблоку и генераторной. Роберт выбрал тот, что оказался по правую руку.

Коридор был коротким. За двумя переборками спали коллеги, за третьей находился отсек личной гигиены. Он протянул руку к панели управления последнего и поморщился, предвидя звук отъезжающей в сторону двери и выражение лица Иванова, если тот опять проснётся. На этот раз Роберт действительно шарил около кубриков.

Но переборка отъехала в сторону достаточно тихо. Пусто... Тыча пистолетом в густой полумрак, он просмотрел всё даже в кабине повышенной влажности.

Спустя минуту Роберт украдкой заглянул в кубрики, реально рискуя получить на орехи. Все спали на местах, никого и ничего лишнего он там не разглядел.

Роберт ни на секунду не задумывался о природе смутного видения, которое преследовал. Любопытный ум будто бы каким-то защитным рефлексом отгораживался от напрашивавшихся аналогий.

Он и не подозревал, что в точности повторяет путь первых разведчиков челнока. И следующая переборка открылась уже достаточно шумно. Но даже если бы она всем весом грохнулась на пол, Роберт и бровью бы не повёл.

Он медленно поднимал пистолет. В конце коридора, там, где не работали три осветительные спирали, чернела размытая фигура. Отчего-то никак не фокусировался взгляд, при этом окружающие фигуру линии – те же пунктиры по стенам, обозначающие путь силовых кабелей, – виднелись вполне чётко.

Фигура пошевелилась, и мозг Роберта выдал мысль, от которой до паники и вмешательства было рукой подать. Но тень не приблизилась. Наоборот, скрылась вдруг за поворотом.

– Ты чего?..

От испуга Роберт подпрыгнул на месте. И не выстрелил только чудом – на спусковом крючке не было пальца. Ствол при этом смотрел в живот неожиданно появившегося Иванова.

– Убери...

Роберт кивнул и вновь направил пистолет в коридор. Сердце стучало, эмоции кишели на самой кромке, за которой уже маячило вмешательство Ординатора.

– Ты чего? – повторил Иван.

– Тень, – Роберт кивнул в сторону коридора. Иванов бросил туда тревожный взгляд.

– Опустит.

Якут глянул на безопасника и убрал оружие.

– Надо разбудить. Остальных позвать.

– Никого будить не надо, – заверил Иван тоном, не терпящим возражений. – Тень двигалась?

– Вправо. Ушла вправо.

Иван подошёл к переборке и закрыл её, набрав на панели дополнительный код блокировки, подсмотренный накануне у Бурова.

– Направо нет хода, – дружески похлопал он Роберта по плечу. – Я сам видел – там пожарный щит. Может, тебя заменить?

Роберта будто водой окатили: заменить?!

– Нет. Нет, – замотал он большой головой, словно ему предложили попробовать наркотики. – Я пойду обратно. Я в порядке.

И, почти по-армейски развернувшись на пятках, зашагал к своему посту. По пути он несколько раз прокрутил в голове всё, что увидел, начиная с самого капсульного отсека. Может, шутка? Может, Трипольский?.. Решил его разыграть? Нет, вряд ли. Какие могут быть розыгрыши!..

Роберт настолько погрузился в мысли, что не заметил перемены в капсульном отсеке – больше не мигал сигнал вызова. Он сел на кушетку, перебирая в голове возможные варианты объяснений. И не видел по ту сторону прозрачной переборки Милославу, смотрящую на него в упор.

А когда увидел – вскрикнул, неуклюже свалившись на пол. И Ординатор не преминул вмешаться.

Глава 7. Завтрак

– А что не так с Бёрдом? Ну, помимо того, что он американец.

За столом кают-компания сидело четверо. Александр Александрович с аппетитом поедал свежее испечённые Рена-той хлебцы. Пока они ещё в радость.

– Ты видел, как он улыбается? – командир отрывал горячеватое тесто небольшими кусочками, и отправлял их рот. – Фильм такой был, придурковатый. Названия не помню. О нём мужики из нашего клуба вот вспоминали. Неважно. В общем, он ведёт себя, будто старается показать, что он-то видел статую Свободы. Не на картинках, мол.

– Проще говоря, перегибает палку, – осторожно пояснил Иван. Старшие офицеры покивали.

– Это как если бы мы с тобой, Рома, из капсул вылезали в ушанках и пьяными.

Космопроходцы посмеялись, улыбнулся даже Буров.

– Уверен, что он играет, – Саныч потряс очередным кусочком. – Надо выяснить, зачем он тут.

– Ясно зачем, – забасил Буров. – Чтобы по сторонам смотреть.

– Тоже мне, Джим Керри! – усмехнулся Роман и отпил воды. – Пересолили...

Иванов и Саныч поддержали. Им тоже показалось, что от-

правители переборщили с количеством добавленной в питьевую воду соли. Перестраховались, называется.

– Вообще, странный состав, ничего не скажешь... – Роман поболтал в стакане воду и залпом выпил, выдохнув как от алкоголя. – Американец без Ординатора, журналистка, священник этот... Олю почему-то назвали, хотя она на Земле осталась. А взвод Иконникова?

– Что – взвод Иконникова? – Александр Александрович внимательно посмотрел на Романа.

– Думаю, все же уже запрашивали отчёт, так? Взвод полковника Иконникова. На кой было отправлять на Ясную заместителя начальника службы специальных сил Союза? А сборная учёных? Там ведь наверняка имена такие, что оглохнуть можно, если знаешь толк. Так ведь, Тимофей Тимофеевич?

Буров дожёвывал последний кусок хлебца с видом, будто те ему уже успели встать поперёк горла.

– Почти, – коротко подтвердил он и встал из-за стола во весь немалый рост. – Я в капсульный. Мне нужно, чтобы два часа там не было никого.

– Не получится, там же Милош... – с ходу пошутил Роман, но понял, что мимо.

– Тимофей Тимофеевич, ты же всё одно туда... Накорми её, если не спит.

Буров принял из рук Саныча лепёшку и взял со стола воду с видом, будто отнести это ему нужно не девушке, случай-

но оказавшейся в изоляторе, а вражескому диверсанту, пойманному за увлекательным процессом минирования несущих конструкций Саяно-Шушенской ГЭС.

– У тебя такой же отчёт? Как у нас? – сощурился Нечаев, взглядом провожая Бурова.

– Нет. Я знаю про местных людоедов, а вы – нет. Конечно, – хмыкнул командир. – Что за вопрос?

– Нормальный вопрос, Саныч, не нагнетай. Сегодня утром я запросил две ретроспективы восприятия. Иваныча, – Роман кивнул в сторону подчинённого, – и Павлова, горе-часового.

– И? Что ты надеялся разглядеть?

– Я видел тень, товарищ майор, – прекратил жевать и пояснил Иванов. – Как вас сейчас вижу. Тень ребёнка.

– Тень? Где? А Павлов?

– Роберт тоже видел что-то. Там же, кстати, около камбуза. Только, говорит, что тень за ним пришла в капсульный, – Роман смотрел, будто ожидал признания в чём-то.

– Ну и?..

– Ничего. Я ничего не увидел. На ретроспективе ничего нет. Но ребятам склонен верить.

– Если ты ждёшь, что я тайну тебе тут сейчас начну открывать – иди умойся. Отчёт у нас один. А тень ребёнка... Это не надо заминать. Не надо упускать из внимания. Сам понимаешь.

– Я должен был спросить, – развёл руками Роман. – По-

нимаю, конечно.

В деле космопроходцев не бывало мелочей. Нередко такая «мелочь», оставленная на самотёк, оборачивалась трагедией. Например, небезызвестный вишнёвый привкус воды на Церере-3. Недостаток внимания к, казалось бы, незначительному фактору стоил здоровья десяти космопроходцам. А всё потому, что привкус тот ощущали не все. И к не ощущавшим его относился командир.

* * *

Посменный приём пищи был предусмотрен всё теми же «марсианскими правилами», и второй очередью за стол расаживались Фарадей Трипольский, ректор Уфимской академии Ганич и Майкл Бёрд. Роберт Павлов, заслуженно получив самую первую порцию, уже минут двадцать как сопел в кубрике.

Завтрак ещё не принесли, а находиться в кают-компании было уже невозможно. И виной тому был Трипольский. Парень не замолкал. А если и замолкал, то лишь для того, чтобы сглотнуть слюну и выудить из бездонного кладезя примеров любимой им фантастики очередной. Он настолько самозабвенно рассказывал о преимуществах «прыжка» Антонова, что Майкл, который по простоте спросил об этом, даже улыбаться перестал.

– ...все как на подбор – одно и то же! – с горящими гла-

зами тараторил Трипольский. – Вот вам пример. Если бы космические корабли на самом деле перемещались со скоростью, близкой к световой, то есть если бы люди всё-таки пошли по пути создания фотонного двигателя, то сюда, до Ясной, мы бы добирались с вами... сто одиннадцать лет! Неслабо, да? Я молчу уже про относительность времени! А наш с вами двигатель искривления? Тот, что на «Герольдах». Его концепцию придумали ещё в двадцатом веке! Варп-двигателем обозвали! Но фантасты того времени не отличались особой гуманностью, они напихивали полный космолёт народу, и врубали варп-двигатель на полную! Вы можете представить кровеносную систему живого существа, оказавшегося в таких условиях? Я – нет. У меня не хватит фантазии...

Но вдруг Трипольский замолчал. На его вытянутом остроносом лице отразилась тень некоей идеи, шлейф ускользающей мысли, которую он испугался упустить. Он резко потерял интерес ко всему: к невольным слушателям, к предстоящему завтраку, к самолюбованию в процессе рассказа, вообще ко всему внешнему миру. Глаза Фарадея зажглись так явно, что переглянулись даже Ганич и Бёрд. Он рассеянно встал, споткнулся о полозья собственного кресла, извинился перед ним, и с ошалелым видом дошёл до переборки, ведущей к капсульному отсеку и лаборатории. Постоял, глядя в пространство, помолчал. И был таков.

Ганич и Бёрд не говорили до самого появления Ренаты.

– Вот, приятного аппетита, – она заботливо расставила

пластиковые тарелки с дымящимися ещё хлебцами. – Пока не провели полную ревизию – так... – как бы оправдываясь, добавила Рената.

– Милая женщина, – Майкл отломил самый краешек выпечки. Его лицо имело странную особенность: будучи мужчиной, так сказать, в самом расцвете сил, он умудрялся выглядеть лет на десять-пятнадцать моложе. Если не больше.

– Действительно, – Леонид Львович пристально смотрел в спину удаляющейся Ренаты. – Кого-то она мне напоминает... Или, быть может, мы раньше где-то встречались...

– Как говорили ваши поэты начала столетия: «возможно всё, что можно представить»... – как-то уж слишком философски заметил Майкл.

– «И живо всё, что живо в чьей-то памяти», – вежливо завершил строку Ганич. – Вы слушали русских поэтов?

– Нет. Просто вспомнилось по случаю.

Снова помолчали. Хлебцы были чуть жестковаты, но достаточно вкусны.

– Я, конечно, понимаю, что из-за Ординатора в том нет необходимости, но всё же жаль, что перед погружением нас не знакомят друг с другом... – заметил в никуда Леонид Львович. На безволосой голове, при отсутствии даже ресниц, густые чёрные брови его казались нарисованными огарком из костра.

– Может, и так, – Майкл многозначительно пожал плечами. – Мне стоило бы вообще демонстрировать одну сплош-

ную радость, ведь меня допустили в святая святых – в ЦУП. А имена начальников я и не старался запоминать. Я их лица то не помню, не то что имён.

– Лица у них важные, – заверил Ганич Майкла будто старого друга. – Они там воображают, что раскрывают тайны бытия...

– Одно меня оскорбляет, – дожевав кусочек пищи и додумав мысль, заключил американец. – Недоверие.

– Вы имеете в виду Ординатор? Что вам его не внесли?

– И его тоже. Можно подумать, я бы его с собой унёс...

Обратно в кровожадную Америку.

– Ну, скажу я вам, вы не так много теряете, – Леонид Львович отпил солоноватой воды. – Это как узкоспециальный справочник, который постоянно под рукой, и не более. Часто натыкаешься на фразу «нет информации», в то время как она от тебя наверняка попросту скрыта. Есть определённые положительные аспекты, в остальном же – нелепая попытка переложить часть ответственности на кого-то ещё.

– То есть?..

– А что тут непонятного?.. Правду преподнесут на блюде, сила воли – рудимент. Всегда есть ощущение присутствия внутри кого-то, или как в этом случае – чего-то, несоизмеримо большего, чем ты сам... Ординатор – это заместитель Бога из головы женщины.

– *Deus caput mulieris*... – судя по гладкому, как бы восковому лицу Бёрда, он крепко задумался.

– Что, простите?..

– Ничего, господин Ганич... – отмахнулся Майкл.

Леонид Львович поджал тонкие губы, но смолчал. По лицу Бёрда он понял, что тот не имел ни малейшего умысла его обидеть, называя его «господином». Но всё же. После Ганич не поддерживал разговор, сводя всякую попытку американца вновь его начать к односложному ответу.

– Вот вы!

Ганич вздрогнул, Майкл чуть не поперхнулся водой – на пороге кают-компания возник Трипольский с видом Николы Теслы, который только что удачно завершил опыты по беспроводной передаче электричества на большие расстояния.

– Да, вы, – он в два шага очутился рядом с Бёрдом и ткнул в него пальцем. – Пусть вы – синтетик!

– Что-о?!.. – бледнея, Майкл медленно поднимался из-за стола.

Ганич не на шутку перепугался за Фарадея. Вид у перекошенного лицом американца сделался такой, что незадачливому юнцу впору было либо бежать, либо скорее давать объяснения. Трипольский выбрал второе.

– Предположим! Предположим, что вы – синтетик, – как ни в чём не бывало договорил он после непозволительно длинной паузы.

Майкл заморгал. Быстро-быстро, будто что-то попало на радужку.

– Но он не может быть синтетиком... – робко вступился

за Майкла не менее растерянный Ганич. – Он же кушает и выглядит, как мы... Воду... пьёт... солёную...

– Ха! Вот тут вы неправы! Внешний вид и подражание, пусть даже очень точное, не делают его человеком! Пресловутый и примитивный тест Тьюринга мне ещё приведите в качестве аргумента!

– Какая муха вас... – сдавленно просипел Майкл.

– Я пришёл к выводу, что изолировав арсенал, мы не решили проблемы, – заявил Трипольский, поперёк плюхаясь в кресло. – Что синтетик может быть среди нас! Ему не нужна кровь! Мозг его – не мягкий студень в костяной коробочке! И внутренние органы покрепче будут! А это значит, он легко мог перенести полёт непосредственно на борту «Герольда»!

– Но, постойте, я... – Майкл вновь обретал голос и способность рассуждать. – Я же... ЦУП, погружение, «прыжок»... Да я ж рядом с вами пробудился! Да и вообще, какого чёрта я оправдываюсь?! Скажите, вы сумасшедший?..

Последняя фраза была ушатом ледяной воды. Трипольский, точно вынырнув из какой-то своей личной реальности, теперь выглядел как тот пёс, что не дотерпел и нагадил у самых дверей – виновато, обречённо и смиренно. Он сделался жалок: неуклюже ворочаясь, сел в кресле прямо, обхватил заметно трясущимися руками голову и сник. Ганич и Бёрд переглянулись – они не ожидали столь разительной перемены.

– Как вы вообще додумались-то?! – точно догадываясь о чём-то, первым спросил обвинённый в синтетическом про-

исхождении.

Фарадей что-то пробубнил. Потом, видимо, понял, что сказал нечётко, и повторил:

– Алан Макленнор...

– И вы до сих пор верите?! – поразился Майкл. Его негодование как рукой сняло.

Алан Макленнор – чуть ли не самая большая удача пропагандистской машины Альянса. Его имя было окутано тайной почти мистической. Макленнора не раз сравнивали с Теслой, он был обласкан журналистами нейтральной Европы настолько, насколько это вообще можно представить. Неудивительно, ведь в том и заключалась немалая доля пропаганды. Учёный якобы создал совершенный ИИ и облёк его не менее совершенным телом, копирующим человека внешне и в некоторых основных принципах жизнедеятельности.

Но вскоре после окончания войны, следуя букве пакта «Доброй воли», стороны раскрыли множество своих секретов. В их числе очутился и Алан с его якобы совершенным искусственным человеком. То оказался умелый проект, фальшивка, дезинформация с целью отвлечения определённого ресурса Союза на противодействие «изобретениям» великого Макленнора.

– Если вас не убедили признания официальных лиц... – вкрадчиво, почти как с ребёнком, продолжал Майкл. – Может, тогда вы поверите мне, полковнику бывшего ЦРУ? Во время бойни, что мы с вами устроили, я отвечал за некото-

рые проекты... в том числе я достоверно знаю и о «человеке Макленнора». Его никогда не было, Алексей!

Трипольский теперь и правда походил на разочарованное дитя. Резким движением он вытер с глаз накопившиеся слёзы. Глубоко вздохнул. Посмотрел на Ганича. Покосился виновато на Бёрда.

– Приношу свои извинения, – он встал и, взяв со стола причитающуюся ему порцию хлебцев, снова направился к лаборатории. – Со мной такое бывает. Редко. Но... Простите, в ложь про мистера Макленнора я не верю!

* * *

Рената вся светилась, стоя у работающей электроплиты. Ей очень нравилось готовить. На Земле этого почти не приходилось делать, ведь она жила одна, а много ли надо себе любимой?

Питательная смесь представляла собой кремового цвета муку, не очень аппетитную на вид, если из неё просто сделать кашу. А запечённые хлебцы – очень даже ничего. Помимо основных белков, углеводов и жиров, в её составе было ещё множество необходимых организму человека микроэлементов и соединений.

Рената месила тесто самоотверженно, не обращая внимания на боль в мягких ногтях, которые за ночь неплохо затвердели за счёт низолиновых пластырей. Хлебцы – это толь-

ко начало.

Открылась переборка, и в камбуз вошёл Майкл Бёрд с пустой пластиковой посудой, которая и испачкаться-то толком не испачкалась.

– Вон туда, пожалуйста, – указала ему Виктория. Майкл прошёл, поставил использованные тарелки и стаканы из-под воды, но уходить не спешил.

– А вы, кажется, австрийка?..

– Да... – кивнула Вика. – Надо же! Как вы узнали?

– Ты только говоришь по-русски, – Рената постаралась сказать так, чтобы шутка вышла очевидной. – Но думаешь по-прежнему по-немецки.

– Как?! А разве не только ты можешь?! Подожди-ка...

– Успокойся, Вик, я пошутила, – вынужденно пояснила Рената. – И я не могу так вот просто слушать мысли, это байки. Ни один психосервер не может. А товарищ Бёрд, – она свернула глазами, с ног до головы оглядывая американца, – вообще не имеет в голове лишнего груза. Я имею в виду Ординатор, естественно.

И продолжила мять и давить неподатливое тесто. Только вот то ли оно стало туже, то ли Рената выплеснула накопившееся... Опять навалилось сожаление за сказанную колкость. Где её манеры? Нельзя ж так вести себя с представителем другой страны! Нельзя, даже если ну очень хочется. Даже если представитель этот – янки.

– Прошу извинить меня, Майкл...

– Да ничего! Я привык. Я же – страшный американец. Тот самый жуткий тип из-за океана с татуировкой дяди Сэма на плече и звёздно-полосатым флагом за пазухой. Это всё самое обычное дело, капитан Неясова. Можете не тратиться на извинения.

Ренате сделалось по-настоящему стыдно. Она перестала мять тесто, собралась с мыслями и обернулась. Вика всё это время, оказалось, смотрела на неё.

Внезапно Рената ощутила себя чужой в этом отсеке. На то не было явных причин, да и неявных тоже – ни взгляд, ни движения, ни мимика американца и австрийки не давали ни малейшего повода. Неужели и вправду порой можно было ощутить эмоции других космопроходцев?..

– Вы меня тоже извините, Рената Дамировна... Я не должен был говорить этого, – укорил себя Майкл.

– Так и начинаются войны... – Виктория посмотрела то на одного, то на другого.

– Нет. Так они заканчиваются...

Сколько длилось молчание, сказать сложно. Камбуз челнока на далёкой планете внезапно стал отражением сути потрясшей Землю трагедии: друг напротив друга стояли представители разных цивилизаций, почти не обременявших себя взаимопониманием, а между ними – третья сторона, не пожелавшая на этот раз поддерживать кого-то и вступить в самоубийственное противостояние.

– Я помню конец войны... – вдруг заговорила Викто-

рия. – Двадцать девятое апреля... Сети тогда у нас уже не было, кругом говорило радио, как в фильмах про далёкую страшную Вторую мировую... По радио сообщили, что война окончена. Мой сосед Демис, грек, помню, плакал тогда, бегая по разбомблённым улицам Граца, махал руками и кричал: «Пасха! Пасха!» Двадцать девятого апреля две тысячи сорок пятого года была православная Пасха... Мне тогда исполнилось десять лет. – Виктория помолчала и вдруг спросила: – Майкл, а у вас есть дети?

– Конечно, – с нескрываемой гордостью ответил американец, его лицо расцвело при одном только упоминании. – Трое: Джастин, Сэмюэль и Клара.

– Клара?

– Достаточно нетипичное имя для американки, согласен. Хотя, встречались и пооригинальней. Супруга, Тэсс, очень любила одну писательницу... Кстати, украинку, эмигрировавшую в Штаты.

– И кто же эта писательница? – спросила Рената.

– Я не помню точно, – пожал плечами Бёрд. – Не стану голословить. Никогда не интересовался фэнтези... Помню только, что публиковалась она под мужским псевдонимом.

– Где сейчас... ваша семья? – осторожно спросила Рената. Она очень боялась услышать, что, как и у миллионов других людей, семья Бёрда погибла в безумии остервенелой бойни.

– Джастин, наверное, сидит перед интервьюером дома и ругает выбранного президента, – усмехнулся Майкл, смотря

куда-то перед собой, точно там он прекрасно видел всех, о ком говорил. – Угораздило же его стать демократом и бездельником одновременно! Сэм совершенно точно нянчит Нэнси, мою – страшно сказать – внучку... Недавно поступил в университет, но, чувствую, не вытянет такой нагрузки. Клара может быть только в одном месте – на мотодроме. Большая часть седины на моей голове – её заслуга! Отрастёт – увидите.

Седина как-то не вязалась с внешним видом Майкла. Оно и понятно: свежее, подтянутое лицо американца заставляло засомневаться в его возрасте. Женщины улыбались, то и дело переглядываясь. Только Ренате улыбка с каждой минутой давалась всё тяжелее...

– А супруга? – кокетливо спросила Виктория.

– Мы развелись, – ответил Майкл непринуждённо. – После войны я стал другим, она изменилась... Мы решили не мучить друг друга, поэтому...

Вика уже откровенно умилялась, замороженно глядя на Бёрда. Рената не выдержала и отвернулась. Ей было немного стыдно за то, что она не могла справиться со своими чувствами. Стыдно перед Майклом, перед Викой, десятилетней девочкой бегавшей по шрамам военных действий, оставленных на теле нейтральной Германской республики. Стыдно за то, что так и не смогла простить смерть своему десантнику...

Рената видела войну изнутри. И не просто выросла в условиях войны, а принимала непосредственное участие. Всту-

пила в неё шестнадцать годов от роду, войдя добровольной медицинской сестрой в залитый криками военный госпиталь. Там были только солдаты и офицеры Союза. Рената помогала спасать жизни воинам только одной стороны, но на то была просто воля провидения. Ничего не изменилось бы, окажись она по другую сторону фронта, где вопли в лазаретах расщеплялись на англоязычное многоголосье с примесью других языков Старого Света.

Для неё не было ни малейшей разницы, на каком языке окровавленный солдат зовёт свою мать...

Глава 8. Воспоминание

Александр Александрович смотрел на Милославу туманным, несфокусированным взглядом. Девушка стояла спиной, понуро опустив плечи, точно школьник, которому в самый интересный момент сериала напомнили про несделанное домашнее задание. Лица её он не видел. Да и не хотел видеть. Нынешний облик некогда Старстрим не на что, кроме мрачных дум, натолкнуть не мог.

Это даже хорошо, что «прыжок» Антонова так устроен: приехал, окружили лаборанты, суматоха, что-то подписал, лёг в пустую капсулу, залили раствором. Ни тебе долгих привыканий в тестовых условиях, ни личных знакомств с группой, если вдруг кого-то, а такое после войны случилось нередко, видишь впервые. Меньше потом терзаний, если чья-то личность оказалась и не его вовсе...

Интересно, что у неё сейчас в голове?

Точно расслышав мысли Александра Александровича, Милош начала неспешно поворачиваться. Он ожидал увидеть бледность, болезненность лица. Обнаружить в глазах девушки боль и страдание. И не потому, что это ему хотелось этого, нет. Просто по-другому они и не выглядели, эти несчастные. За карьеру Александр Александрович трижды видел повреждённых.

Но она его удивила. Милош поворачивалась медленно,

невесомо переступая босыми ножками с носка на пятку, как дитя, крадущееся под рождественскую ёлку гораздо раньше положенного срока. Залитое красками жизни лицо выражало кипучую смесь интереса и восторга, Милослава оглядывала однотонно светлые, мягкие стены изолятора так, словно в жизни не видела ничего более прекрасного. Ярко-голубые глаза светились, руки были приподняты, а голова чуть наклонена, как в спектакле про Белоснежку, когда она, спев, вслушивалась в отзвуки природы. Тонкие пальцы Милош то и дело подёргивались, будто под ними витали сотканые из невидимых волн клавиши несуществующего клавесина.

– Хорошо, если так и будет кружиться.

Командир загодя услышал приближение Бурова, но поворачиваться не стал. Он хотел ещё понаблюдать за тем, как вполне конкретный человек испытывает вполне конкретное счастье.

– Я ждал тебя раньше, Тимофей, – всё ещё не поворачиваясь, но уже упустив эфемерное очарование, Саныч продолжал смотреть на Милош.

– Я исправил несколько спиралей. Не могу начинать серьёзное дело, если есть какая-то мелочь.

– Что думаешь про все эти тени?

– Я не встречал, чтобы галлюцинации имели локационную привязку. Но я и не врач.

– Хм... Почему именно тени детей? Или ребёнка... Не думаю, что это галлюцинации.

– Я вообще об этом не думаю.

Буров удалился вглубь отсека, а Александр Александрович так и не повернулся. Казалось, если он сейчас оторвёт взгляд от Милославы, то после увидит лишь страдание и животные инстинкты, что тонкий восторг девушки всего лишь игра его воображения.

Отчего-то вдруг пересохло в горле. Командир прокашлялся и...

Мираж исчез. Нет, девушка ничуть не изменилась. Как кружилась она неспешно, так и продолжала кружиться. Но взгляд Саныча вдруг почерствел, сделался более предметен и материален. Как будто ему только что сказали: всё это ложь, и указали место, откуда мистификацией управлял ловкий фокусник-режиссёр.

Он вдруг обратил внимание, что Милош не притронулась к еде, а воду так и вовсе неловко сбила ногой, разлив по полу. Что размягчённые ногти на руках слегка кровоточили – видимо, она пыталась ими что-то делать. Что приоткрытые губы пересохли, как если бы она дышала только ртом. Что...

Саныч отвернулся.

Буров препарировал одну из капсул. Через минуту в коридоре послышались шаги, и в проёме показался большеголовый Роберт Павлов.

– Товарищ майор... – начал было тот, но командир жестом остановил якута.

– Сегодня моя смена. Иди, начинай работать. Готовься к

разведке. Рано или поздно нам выходить наружу.

Буров выглянул на Саныча, будто тот сказал, что коммунизм всё равно будет построен. Роберт кивнул и был таков.

– Эта, – Истукан распрямился и указал отвёрткой-трансформером на одну из капсул, – выведена из строя.

– Ты уже говорил...

– Я говорил, что она неисправна, что сломан маяк. Теперь говорю: выведена из строя. Локальное механическое повреждение системы основного охлаждения квантового маяка.

– Локальное? – с нехорошим предчувствием командир поднялся и поравнялся с Буровым.

Маяк опоясывала тройная полиметаллическая трубка, свитая замкнутой спиралью, внутри которой по идее циркулировал сжиженный гелий. И в одном месте трубка была, очевидно, дырявой. Односторонняя термоизоляция была оторвана, а сам проводник охладителя расплюсчен будто бы гидравлическими плоскогубцами или чем-то схожим по площади давления. Гелий, понятное дело, давным-давно улетучился.

– Что мы имеем, – недобро подытожил Буров. – Кто-то раздавил трубку системы охлаждения квантового маяка.

– Н-да... – Александр Александрович почесал подбородок. – Так повредиться при посадке маяк не мог...

– Не мог. И я о том же. Его кто-то повредил. Причём достаточно странным образом.

– Поясни.

– Для чего нужно выводить из строя маяк? – спросил Буров и тут же ответил: – Для того чтобы некто – возможно, вполне конкретный некто – не попал на Ясную, а остался на Земле. Но! Информация, кто именно пробудится в этой вот, – он рукой указал на раскрытый корпус приёмника, – капсуле, недоступна. Факт. А значит – цель не в этом.

– Погоди, – командир поднял ладонь. – Поправь меня, если что. Поломка случилась давно. Не один год назад. Это видно даже неспециалисту.

– Так точно, – немного натянуто подтвердил Буров. – Цель была иной. Познание.

Александр Александрович немо уставился на инженера, но у того ни единый мускул не дрогнул на лице. Он был предельно серьёзен. Как и всегда.

– Как мальчуган давит пойманного ужа, чтобы посмотреть, что у того внутри, так и тут – трубку охладителя раздавили, чтобы увидеть содержимое.

Любой другой счёл бы Бурова безумцем. Но не Александр Александрович. Приводя командиру доводы, Истукан знал, что может говорить напрямую, без виляний впотьмах условностей. Они оба понимали, что здравость смысла определяется исключительно понятием о привычном.

– Синтетик? Разве синтетик способен к познанию? К когнитивности?

– Нет, – отрезал Буров. – Не способен. И, повторяю в последний раз, командир: «Осы» неактивны. И не были актив-

ны никогда. Для этого требуется код доступа. К каждому отдельному экземпляру уникальный код.

Уверенность Бурова ощущалась чуть ли не осязаемой субстанцией – с таким знанием дела он говорил. Саныч почувствовал холодок, поднимающийся вверх по телу. Истукан же целиком и полностью оправдывал своё прозвище.

– С другой стороны, – с трудом выдавил Буров. – Я сам нашёл следы пребывания на челноке именно синтетика...

Минуты две космопроходцы молчали.

– Моё тебе мнение, – додумал командир, подходя к другой капсуле. – Этот синтетик не с нашего челнока. Это бы объяснило, почему он заряжался не в порту. Если в самом деле «Герольд» украли, то таких челноков на Ясной...

– Минимум четыре, – согласился Буров. – Минимум. Но я склоняюсь к цифре шесть. Синтетик мог приходиться сюда на подпитку, если генератор его челнока не был запущен импульсом ЭВМ...

– Постой, постой... Я запутался, Тимофей Тимофеевич. Мы же только что с тобой определили это, – командир подошёл обратно к раскрытому корпусу квантового приёмника и ткнул пальцем в передавленную биметаллическую змею, – не мог быть синтетик. Так? Или я что-то упустил?

– Так. Ничего ты не упустил, – глядя командиру прямо в глаза, подтвердил инженер, чем только всё усугубил.

– Слушай, прекращай со мной играть, Тимофей, – раздражённо посоветовал Саныч. – Или выкладывай всё за раз, или

давай сворачивать этот разговор.

– Имею два варианта. Оба кажутся мне настолько неправдоподобными, что я даже не определяюсь – какой из них более неправдоподобный. Первый: на планете есть форма жизни, не обязательно разумная, но обязательно имеющая форму стоп как у человека, причём пятьдесят пятого размера. И она питается электрической энергией. Либо же ей просто нравится, как выглядит протонный генератор. Второй вариант: «человек Макленнора» всё-таки существует. То есть какая-то из «Ос» на каком-то из челноков украденного Альянсом «Герольда» имеет интеллект, не уступающий – как минимум – человеческому, и обладает понятием о том, что она, «Оса», жива. Так в байках вирт-изданий преподносили пресловутого «человека Макленнора». Выбирай, командир. Я умываю руки.

В раздумье Саныч ушёл к стене, поделённой на правильные прямоугольники закрытых ниш, и остановился около сейфа с оружием.

– Странно... Предположим, что Альянс и вправду развернул целую войсковую операцию ради захвата космического грузовика. Зачем тогда тут это? – Командир похлопал по протволновым излучателям Мехди, тем самым «валенкам». – Ведь они даже сейчас остаются перспективным оружием! Да хрен с ними, с излучателями! Верно ведь подметила Рената – почему господины в принципе корабль не распотрошили? А, Тимофей Тимофеевич? Они ж столько людей

под Циолковским оставили! Ради чего? Чтоб запустить прототип межпланетного грузовика с двигателем искривления на какую-то планету?!. За сто одиннадцать световых лет от Земли?

– Это, командир, не ко мне, – на тон ниже квантовых приёмников прогудел Буров, – и едва ли Ясную можно назвать «какой-то» планетой, – и пошёл прочь.

– Полоскание мозгов, а не экспедиция... – оставшись в одиночестве, если за компанию не считать Милош, процедил Александр Александрович. – Придётся, видимо, чаю попить...

У Саныча, как и всякого человека, имелся секрет. Нет, не его игромания. Но секрет напрямую проистекал из страсти к Реконструктору, всемирно известному серверу виртуальной реальности, созданному башковитыми ребятами белорусского «Варгейминга».

Он по-особому вёл диалог с Ординатором. Весьма. Не постоянно, но всякий раз, когда на то выдавалась возможность. Длительное увлечение Реконструктором, конкретно дисциплиной «творец», позволило Александру Александровичу развить отличное воображение. Этим он и пользовался.

Командир закрыл глаза. Миг, и он уже ощущал себя сидящим на кухне, верхом на трёхногой неустойчивой табуретке, не понять вообще каким образом сделанной из тонюсенького крашеного металла. Рядом стояли неизменные: белый стол, дёшево стилизованный под мрамор, то и дело гро-

хочущий при выключении холодильник, газовая плита с синим обшарпанным чайником и старый, обклеенный декоративной плёнкой, гарнитур. На полу терпеливо дожидалась своего часа миска Бэтмена – кота, которого Саныч так и не мог сюда додумать, то ли из-за лени, а то ли потому, что кот тот в реальности жил гораздо позже и никогда не видел этой кухни. Что, впрочем, не мешало миске оставаться исправно полной.

Он тоже был тут. Стоя спиной, наливал кипяток из синего чайника в покрытый пятнами заварник. Он – это Вандал. Точнее, его мнемокопия.

Чай – «чёрный и крутой как чёрт» – встал на стол перед Санычем. Вандал сел. Когда-то очень давно, ещё в самые первые разы, Саныч старался избегать прямого взгляда на него. Странно даже – сотворить устойчивую мнемосцену для периодических «встреч» с давно умершим другом, и притом не глядеть тому в лицо. Объяснялось всё просто: мимика это единственное, что совсем не поддавалось Санычу как скульптору. Как ни старался он, а лицо неизменно оставалось безжизненной гипсовой маской, не выражавшей никаких эмоций. Абсолютно. И даже когда Вандал говорил, двигались разве что тонкие губы, а выглядело это даже жутче, чем иные сетевые страшилки.

Мнемосцена наполнялась только зрительными и слуховыми эффектами. Ни вкуса, ни запаха, ни тактильных ощущений она не передавала. Реконструктор – там да. Там всё это

присутствовало, да ещё как! Недаром за первые пять лет существования он проглотил всех не зарубежных конкурентов без остатка.

Какие то были пять лет – Александр Александрович прекрасно помнил. Он относился не просто к первым игрокам в Реконструктор, он был бета-тестером, но никому из клуба ни разу не похвастался. Поначалу, следуя уже накатанным путём, ребята из «Варгейминга» склонили Реконструктор к военной тематике: Пунические, Тридцатилетняя, Реконкиста, Первая и Вторая мировые – да все войны не перечислишь! Когда же Александр Александрович вновь приехал в свой старый клуб в остывающем сорок девятом, где уже тогда ни шатко ни валко шли восстановительные работы, никто и не помышлял больше о «романтике» войны.

Вандал сидел и молчал. Взгляд устремлялся в Саныча, но сказать, что он смотрел на него, язык бы не повернулся. Как нельзя сказать, что манекен в супермаркете, пусть и с хорошо прорисованными глазами, на кого-то именно смотрит. Вандал и был манекеном, только вдобавок ко всему ещё шевелился, говорил и выглядел как старый друг.

– Доступ к информации: майор межпланетной службы, Подопригора Александр Александрович, командир экспедиции за номером тридцать три, – самовольно заговорил Ординатор, разлепив тонкие губы Вандала.

– Дай мне ретроспективу визуальных образов из отчёта по Ясной за две тысячи тридцать девятый год.

– Ретроспективы готовы. Общее количество – одна тысяча триста сорок восемь мнемокадров.

– Основные маркеры?

– Отсутствуют.

Саныч нахмурился. Маркеры были всегда. Они могли не соответствовать помеченному мнемокадру, могли быть откровенно идиотскими – всякое случалось. Но чтоб вовсе ничего не было отмечено...

Он встал и подошёл к окну. Там его ждал красочный мир, поражающий одновременно узнаваемостью и чуждостью – ретроспектива. Саныч видел джунгли, в которых деревья срослись кронами, подставляя под лучи местного светила почти сплошную бугристую поверхность из крупных синевато-зелёных мягких иголок. Слепяще-белый песок уходил в неподвижные океанские волны, а изумрудное небо, ближе к светилу почти кислотное, не имело ни единого облака или тучи.

На первый взгляд, Ясная очень походила на Цереру-3. И Хиц-2...

И всё бы ничего, да только без маркеров на внимательное изучение мнемокадров в одиночку потребуется не меньше четырёх суток. Следовало разбить их на равные по количеству части и дать группе на просмотр. Девять человек – не один.

Прежде чем отойти от окна, Саныч перелистнул кадр. Затем ещё один. И ещё. Удивился: приторно-чужеродные пей-

зажи, ничего более. Тогда он выбрал кадр из середины, за номером семьсот один. И к ещё большему удивлению никаких кардинальных перемен не нашёл.

– Назови мне причину преждевременного отчёта по Ясной.

– Контакт второй категории. Запрос подкрепления: военных и учёных специалистов, – не поворачиваясь, ответил Вандал-Ординатор.

«Контакт второй категории» – такой сигнал уже приходил пару-тройку раз с исследуемых планет. С Цереры-3 и, как ни странно, с Анубиса. Но во время тщательной проверки вторую категорию неизменно переписывали на третью, а то и вообще снимали. Доходило даже до лишения должностей слишком рьяных искателей инопланетных разумов.

Когда-то обнаружение следов, впервые попавших под определение «контакт», привело к необычайному всплеску людского интереса и энтузиазма учёных. И факт, что случилось это не где-то, а именно на старом добром Марсе, только добавил жару в огонь. Ещё бы, ведь на каменистой поверхности Красной планеты обнаружили те самые «круги на полях», а именно четыре правильные сферы с рисунками внутри – одна в центре и три по сторонам, чьи соединительные линии образовывали треугольник. И не где-то, а на знаменитой горе Марса – на Олимпе! В своё время обнаружившего такие круги у себя на поле британского фермера обвинили в подлоге... Жаль, извиниться не успели – он скончался.

Деление на категории предложили тогда же. Предполагалось, что найденные отметины хоть и выглядели очевидно рукотворными, но всё же могли иметь иную природу. Оттого их причислили к третьей категории контакта. СМИ, кстати, не изменяя себе, в скором времени дали предполагаемым авторам геометрически идеальных отметин на марсианском камне прозвище, попутно не преминув окутать их тайной наемдн выдуманной фабулы. Их назвали «соискателями». Якобы они «тоже» что-то искали на других планетах. После Марса аналогичные следы «соискателей» обнаруживались практически на всех планетах, на орбиту которых выходил «Герольд». Совершенно точно они присутствовали на тех, куда люди всё-таки «прыгали»...

Александр Александрович снова сел на неустойчивый табурет.

– Контакт был зафиксирован в отчёте? Кроме мнемокадров?

– Устав, параграф сорок три, пункт сто, подпункт три: «в условиях военных действий...»

– Стой, – Саныч отмахнулся от долгого цитирования Устава. И так было ясно, что Ординатор хотел донести. На кадрах не было прямого подтверждения второй категории контакта. Земля тогда тонула в яростном рёве войны, и всюду были шпионы.

Он не сдержался и опять кашлянул – горло першило. Мнемосцена слегка покорёжилась, но быстро вернулась в нор-

мальное состояние.

Саныч не мог отделаться от мысли, что постоянно что-то упускает. Передавленная трубка охладителя, закрытая изнутри внешняя переборка, притом закрытая механическим затвором, на который вообще никак нельзя воздействовать снаружи, бродящие по мрачным коридорам детские тени, железобетонная уверенность Бурова относительно «Ос» в арсенале, Ольга, в конец концов...

Н-да... С Олей вообще что-то из ряда вон выходящее. Оставалось надеяться, что всё хорошо.

Александр Александрович смотрел на манекен с чувством, что никак не может сформулировать саму цель начатого с Ординатором разговора. Он ощущал неуловимую рассеянность, от которой становилось немного страшно. Что его интересовало? Отчего господины послали захваченный космолёт сюда, а не раскрутили его по винтикам? На этот вопрос он точно не получит тут ответа. Кто трубку злосчастную передавил? И этого не узнать. Чего ему тут надо?

Вдруг захотелось встать и открыть дверь, что белела за спиной. За ней не могло быть ничего, только пустота. Но нестерпимо хотелось, чтобы там была квартира. Та самая двушка недалеко от центра Киева, из окон спальни которой виднелся чёрно-золотой архистратиг. Где-то там, на низком журнальном столике без одного колёсика, кипой лежали рукописи. Поначалу желая просто прочувствовать некий антураж, а после и влюбившись в это дело, они с Вандалом пи-

сали черновики исключительно от руки. Потом – да, уже начисто на компьютер или ноутбук. Саньч усмехнулся, вспомнив ноутбук Вандала, этого выдавшего виды живчика, стойко жужжащего кулером вопреки и назло всему.

– В каком году возобновили программу «прыжков»? – быстро спросил Александр Александрович, едва наткнувшись на мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.